

2 113
6 III

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

II

СЪ 32 ХРОМОЛИТОГРАФИЯМИ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПРИРОДА И ЛЮДИ».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
БОЛЬШАЯ ПОДЪИЧЕСКАЯ, 39.

1880.

VIII. К И Р Г И З Ы.

Историческій очеркъ и народный характеръ.

Киргизы—это въ высшей степени любопытный и довольно многочисленный народъ, до сихъ поръ удержавшій патриархальный пастушескій бытъ номадовъ и сохранившій, почти въ первобытной чистотѣ, типическія черты «степняковъ - хищниковъ», или, по выраженію нашего простаго народа, *«азіатовъ»*, игравшихъ такую важную роль въ судьбахъ древней Руси и имѣвшихъ безспорное вліяніе на складъ общественной и семейной жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, бытъ и нравы кочевниковъ - киргизовъ представляютъ для русскаго глубокій интересъ, помимо того политическаго значенія, какое получило для Россіи въ послѣднее время вообще все населеніе средней Азіи.

Киргизы кочуютъ, со своими кибитками и стадами, по безпредѣльнымъ степямъ Средней Азіи, простирающимся отъ р. Урала и Каспійскаго моря до горъ Алтайскихъ, Алатау, и Тянь - Шаньскихъ или Небесныхъ, и отъ южныхъ границъ Западной Сибири до независимыхъ ханствъ, лежащихъ по теченію рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-

Дарыи. Киргизскія степи занимають болѣе 40,000 квадратныхъ миль т. е. четверо превосходятъ пространство Франціи. Къ нимъ нужно еще прибавить обширныя астраханскія степи, лежащія между Волгой и Каспійскимъ моремъ, гдѣ обитаетъ Внутренняя или Букеевская орда киргизовъ, водворившихся здѣсь въ 1772 году и выселившихся изъ сибирскихъ степей вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ съ сосѣдними киргизскими племенами.

Всего киргизовъ насчитывается до 2,000,000 душъ.

Происхожденіе этого народа довольно темно. Едва ли можно производить киргизовъ отъ какого-либо одного народа или племени, не только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ отношеніи. Смуты и войны могли разбрасывать въ обширныя равнины Средней Азіи разноплеменныхъ, бездомныхъ скитальцевъ, бродившихъ съ своими стадами по глухимъ трущобамъ азіатскихъ горъ, не подчиняясь никому и цѣлые вѣка не складываясь въ государство. Названіе киргизовъ лучше всего намекаетъ на первоначальное происхожденіе ихъ.

Имя «киргизъ» производятъ отъ соединенія двухъ словъ: *киръ* — степной и *изъ* — человекъ (степной человекъ). Но это названіе принадлежитъ собственно небольшому племени киргизовъ, кочующему въ Небесныхъ горахъ, въ долину р. Чу, такъ называемымъ «бурутамъ» или диюкаменнымъ киргизамъ. Частые набѣги этого отважнаго племени на сибирскую пограничную линію дали поводъ русскимъ ошибочно распространить названіе киргизовъ на всѣхъ кочевниковъ средне-азіатскихъ степей. Между тѣмъ большинство киргизовъ до сихъ поръ называетъ сами себя словомъ «казаки», что значитъ на монгольскомъ языкѣ: бродяга, свободный скиталецъ. Это имя искони принадлежало всѣмъ киргизамъ и, со временемъ, перешло и на русскій бездомный и бродячій людъ. Не только киргизы сами себя называютъ казаками, но и сосѣдніе съ ними народы, какъ напримѣръ — китайцы, бухарцы и другіе называютъ ихъ также сло-

вами: хасакъ, кайсакъ и т. под., откуда и произошло болѣе вѣрное названіе киргизовъ — «киргизъ-кайсаки».

Въ началѣ XIII столѣтія изъ-за горъ Алатау показались несмѣтныя монгольскія орды подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, разрушавшія все на своемъ пути и наводнившія вскорѣ всю арало-каспійскую низменность. Здѣсь монгольскій элементъ почти совершенно поглотилъ мѣстныхъ жителей. Однакоже, казаки, слившись съ монголами, не образовали изъ себя цѣльнаго новаго народа, а остались, по прежнему, разрозненными, независимыми племенами, сохраняя свой прежній бытъ и свои привычки. Этому много способствовалъ обычай монголовъ — не нарушать независимости покоренныхъ ими народовъ. Они дали только каждому киргизскому роду своего правителя, особое названіе и знакъ (тамгу), для отличія отъ другихъ родовъ.

Русскія лѣтописи въ первый разъ упоминають о киргизахъ въ 1537 году.

Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на этотъ народъ. Онъ называлъ казацкую орду *«ключемъ и вратами ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ»* и считалъ присоединеніе киргизовъ къ Россіи необходимымъ для утвержденія нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи, а чрезъ нее и въ Индіи. Съ этою цѣлью, Петръ Великій далъ порученіе бывшему въ персидскомъ походѣ старшему переводчику, изслѣдовавшему пути въ Индію, Тевкелеву, постараться, *«не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона»*, присоединить киргизовъ къ русскому подданству. Но за смертію Петра Великаго, виды и намѣренія его въ этомъ отношеніи оставались забытыми до 1730 года, когда одинъ изъ хановъ киргизскихъ, тѣснимый соседними джунгарами, калмыками, и особенно башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Послѣ переговоровъ, веденныхъ по этому поводу тѣмъ же Тевкелевымъ, значительная часть «казаковъ» признала свою зависимость отъ Россіи.

Съ того времени, многочисленные киргизскіе роды, побуждаемые внутренними смутами и раздорами, одинъ за другимъ, переходили въ русское подданство. Но вражда между ними, бунты и даже набѣги ихъ на русскія пограничныя линіи не прекращались до послѣдняго времени, чему въ особенности много способствовало враждебное Россіи вліяніе Хивы и другихъ независимыхъ среднеазіатскихъ ханствъ, гдѣ бунтовщики - киргизы всегда находили убѣжище и радушный пріемъ. Хивинскіе муллы проникали съ торговыми караванами въ киргизскія степи и возбуждали кочевое населеніе во имя религіи и пророка противъ русскихъ. Эти муллы и хаджи распространили въ XVII столѣтіи мусульманство между всѣми киргизскими племенами. Впрочемъ, утвержденію исламизма въ киргизскихъ степяхъ не мало способствовало и само русское правительство, издавая, въ теченіи XVIII столѣтія, указы о постройкѣ мечетей въ киргизскихъ степяхъ и поставляя при нихъ указныхъ муллъ. Дѣлалось это конечно, съ благой цѣлью — содѣйствовать распространенію между киргизами мирной, осѣдлой жизни; но результаты оказывались при этомъ противоположнаго свойства....

Киргизы раздѣляются на множество племенъ. Главнымъ образомъ они дѣлятся на три орды, изъ которыхъ каждая ведетъ свой родъ отъ особаго родоначальника — одного изъ трехъ сыновей монгольскаго правителя Алачъ-хана. На востокъ киргизскихъ степей, у сибирско-китайской границы кочуетъ такъ называемая Большая орда (Улу — юзъ); между Ураломъ и Аральскимъ моремъ обитаетъ Малая орда (Качи — юзъ), которая, въ сущности, есть самая большая. Между Малой и Большой ордой находится Средняя орда (Урта — юзъ). Отъ этихъ трехъ киргизскихъ родовъ, называющихъ себя общимъ именемъ — «казаки», значительно разнится собственно киргизское племя, кочующее со своими стадами въ Тяньшаньскихъ горахъ и извѣстное подъ названіемъ «кара-киргизовъ» (черныхъ киргизовъ), «бурутовъ» или дикихъ каменныхъ киргизовъ (по мѣсту жительства),

Внутренняя или Букеевская орда причисляется къ Малой ордѣ и также носить названіе «казаковъ».

Языкъ киргизовъ представляетъ нарѣчіе тюркотатарскаго языка но съ значительной примѣсью монгольскаго элемента.

У киргизовъ довольно сильно развито чувство любви къ своему родному языку и, вообще, къ своей національности и исторіи. Киргизъ, даже хорошо знающій русскій языкъ, не будетъ говорить на судѣ по русски, а объясняется съ судьями непремѣнно чрезъ переводчика.

Въ физическомъ отношеніи киргизовъ характеризуютъ: короткое тѣло, широкое, плоское лицо, сильно выдавшіяся скулы, узкіе черные глаза, приплюснутый носъ, выдвинутый впередъ ротъ и короткая, рѣдкая борода клиномъ. Волосы на головѣ брѣютъ, и на верхней губѣ выдергиваютъ особыми щипчиками, или подбриваютъ. Кожа самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная отъ смугложелтаго до чернаго цвѣта угля. Ноги у всѣхъ киргизовъ кривыя, какъ говорится, *колесомъ*; походка медленная, развалистая; вообще, по недостатку навыка, они неспособны въ пѣшей ходбѣ.

За то киргизы неутомимы на сѣдлѣ и могутъ, безъ видимыхъ признаковъ усталости, скакать полъ-сутокъ и болѣе на перемѣнныхъ лошадяхъ. Киргизъ привыкаетъ къ верховой ѣздѣ съ самаго ранняго дѣтства. Онъ какъ-будто приростаётъ къ сѣдлу и разстается съ нимъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, на примѣръ, входитъ въ палатку или сидитъ въ ней. Въ юрты онъ постоянно на сѣдлѣ. Нужно ли ему загнать отбившуюся отъ стада корову или овцу, побывать у сосѣда, или поговорить съ прохожимъ, — киргизъ выполняетъ все это, сидя въ сѣдлѣ. Онъ ѣдетъ верхомъ на лошади за 100—200 верстъ только для того, чтобы попить съ пріятелемъ кумыса. Ноги, кажется, совершенно излишнее для нихъ орудіе. Лошадь составляетъ какъ-бы часть ихъ организма. У киргизовъ и

пляски никакой не существуетъ, хотя до музыки и пѣнія они большіе охотники.

Въ мѣстности, гдѣ расположенъ киргизскій аулъ, вездѣ, на всемъ пространствѣ горизонта, вы увидите этихъ забавныхъ центавровъ, скачущихъ или мѣрно двигающихся впередъ и назадъ, высоко сидящихъ на спинахъ коренастыхъ лошадей. Подъѣхавъ ближе, различишь уродливую мѣховую шапку, коротко подобранныя въ стременахъ ноги и толстую, длинную нагайку, трясущуюся въ полусогнутыхъ рукахъ всадника съ монгольскимъ типомъ лица.... Удивительно тонкій слухъ и необыкновенная зоркость глазъ — отличительная черта киргиза. Онъ ясно видитъ и слышитъ на громадныхъ расстояніяхъ. Память у него превосходная! Малѣйшій знакъ на горизонтѣ, чуть замѣтная горка, ручей, камень, дерево, слѣдъ, — у него отпечатлѣвается въ головѣ какъ на географической картѣ. Онъ ѣдетъ по степи за сотни верстъ всегда кратчайшимъ путемъ, не боясь заблудиться.

Физическія страданія они переносятъ съ непонятнымъ, дикимъ стоицизмомъ, и на ихъ бронзовыхъ, огрубѣлыхъ лицахъ едва разберешь впечатлѣнія отъ 30-ти градусовъ мороза или отъ 30 градусной жары. Голодъ и жажду они выдерживаютъ долго, терпѣливо, безъ малѣйшихъ жалобъ, не выражая ничѣмъ своихъ мученій; но за то, дорвавшись до пищи, они ѣдятъ невѣроятно много, заѣдая кусками мяса такіе же куски жира и обратно.

Умъ у киргиза хитрый и лукавый; любопытства — не оберешься. Новости — страсть степного номада. Лѣтомъ ему нечего дѣлать и онъ ѣдетъ въ степь или, лучше сказать, гуляетъ по степи. На горизонтѣ чуть замѣтно обрисовывается фигура всадника.... Киргизъ посмотритъ туда сквозь свои, косо-прорѣзанные, но невѣроятно зоркіе глаза, и если его неудовлетворитъ эта рекогносцировка, онъ поскачетъ по направленію къ всаднику... «На хабаръ?» — что поваго? спроситъ онъ у него, сдѣлавъ для того карьеромъ нѣсколько верстъ. Но онъ ѣхалъ не даромъ: встрѣченный киргизъ — такой же празд-

ный кочевникъ, какъ и его любопытный товарищъ—разскажетъ все, что видѣлъ особеннаго, и все, что слышалъ новаго. Узнавъ другъ у друга всѣ новости, киргизы скачутъ въ сосѣдніе аулы, съ безкорыстной цѣлью—разсказать все слышанное. Не пройдетъ и дня, какъ во всѣхъ сосѣднихъ аулахъ узнаютъ, что въ нѣсколькихъ десяткахъ или стахъ верстахъ оттуда проѣхало столько-то всадниковъ о дву-конь; узнаютъ съ фотографической точностью костюмъ всадниковъ, отличительные ихъ признаки; узнаютъ, что у рыжей кобылы разсѣчено ухо, а у другой лошади—бѣлая отиѣтина на правой ногѣ; узнаютъ тамъ же, изъ самаго достовѣрнаго источника, что проѣхавшіе всадники смотрѣли какъ-то странно, что это агенты хивинскаго хана, и что старый *Джеримъ-надишахъ**) — «поль государя» боленъ, очень боленъ, теперь умираетъ, и чтобы не было какой бѣды отъ хановъ, имъ смиренныхъ... Подобно всѣмъ жителямъ далекаго востока, киргизы страстно любятъ болтать о политикѣ. Они, пожалуй, убьютъ на это цѣлый день, разнообразя лишь изрѣдка главную тему какимъ-нибудь дѣтскимъ разсказцемъ или простодушными сплетнями про своихъ султановъ и биевъ. Принимая гостя у себя въ юртѣ, киргизъ усаживаетъ его у чучала и начинаетъ разспрашивать самомалѣйшія подробности: кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, зачѣмъ, какая у него есть родня, что стоитъ лошадь, одежда, сбруя, оружіе, что слышалъ, кого встрѣтилъ? и т. д. и т. д., Бойкая рѣчь киргиза готова длиться два—три часа сряду. Слушать гостя сбѣгается иногда весь аулъ, и чѣмъ больше гость краснобайтъ, тѣмъ слушатели приходятъ въ большій восторгъ.

Вообще говоря, это народъ добрый, наивный и, въ тоже время, плутоватый, смѣлый — съ азіатами и проникнутый благоговѣйнымъ страхомъ къ русскимъ. Увидавъ русскаго, киргизъ становится пасмуренъ и неразговорчивъ, но, познакомившись съ нимъ поближ

*) Такъ называютъ киргизы генерала Кауфмана.

онъ часто дѣлается его закадычнымъ пріятелемъ. Всѣхъ, кто изучалъ жизнь киргизовъ, вѣроятно, поражали ихъ превосходныя семейныя качества. Едва ли кто нибудь видѣлъ, чтобы киргизъ билъ свою жену или дѣтей. Особенно они нѣжны къ дѣтямъ. Поэтому столь прославленная склонность киргизовъ къ убійству и хищничеству едва-ли составляетъ ихъ врожденное качество: это, скорѣе случайный порокъ, обусловленный ихъ прежнимъ кочевымъ бытомъ. Но, какъ всѣ неразвитые народы, киргизы вспыльчивы; ссоры и драки между мужчинами повторяются очень часто, такъ что трудно встрѣтить хотя одного человѣка безъ знаковъ на лицѣ или головѣ полученныхъ въ какой нибудь стычкѣ.

Самая ужасная и господствующая изъ страстей киргизовъ — это мщеніе. Между ними никакая обида не можетъ быть заглажена иначе, какъ равною или большею обидою. Если обиженный умеръ, то право мщенія переходитъ къ сыну его и ближайшимъ родственникамъ, и пока родъ обиженного не истребится, обидчикъ не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Но и это, очевидно, есть легко-искоренимый порокъ — наслѣдство прежняго степного самосуда, порокъ, постепенно обращающійся теперь, со введеніемъ въ степи болѣе правильнаго суда, въ забавное сѣтяжничество.

Киргизы несомнѣнно храбры, только по своему, по степному. Они нападаютъ всегда неожиданно, врасплохъ, и при этомъ натискъ ихъ бываетъ стремителенъ: они несутся въ атаку съ гикомъ, воплемъ, дикими восклицаніями, и вдругъ вся эта буря, налетѣвъ на каре, при первомъ залпѣ разсыпается дождемъ во всѣ стороны, и если имъ не удалось овладѣть добычей съ перваго натиска, они уже не прибѣгаютъ къ новымъ попыткамъ.

Одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ киргизскихъ нравовъ составляетъ гостепріимство. Кто бы ни пріѣхалъ къ киргизу, по дѣлу-ли, или просто шатаясь праздно изъ аула въ аулъ, можетъ всегда рассчитывать найти у него самый радушный пріемъ. Всякій,

ищущій гостепріимства, называетъ себя «джолаучи» (проѣзжающій) и имѣетъ право войти во всякую юрту. Слѣзая съ лошади и удерживая поводъ въ рукѣ, «джолаучи» садится сперва на землю, подлѣ двери юрты. Хозяинъ обязанъ выйти и попросить его къ себѣ въ кибитку. Если джолаучи пріѣхалъ ночью, то хозяйка обязана встать, развести огонь и накормить пріѣзжаго. Богатый киргизъ ставитъ нарочно для гостей отдѣльную кибитку и держитъ при ней особую прислугу. Принявъ гостя у себя въ юртѣ и предложивъ ему самое почетное мѣсто за чуваломъ, подлѣ сундуговъ, обвѣшанныхъ коврами или росписными кошмами, киргизъ усердно принимается угощать его. Онъ накладываетъ на ладонь своей лѣвой руки, до окончности четырехъ пальцевъ, кучку *бимъ-бармаху*, кусочковъ говядины съ саломъ, и пятымъ пальцемъ искусно вдвигаетъ ихъ въ разинутый ротъ гостя. Это знакъ особенной почести, какой удостоивается только почетный гость, отличаемый, обыкновенно, по внѣшнему виду, т. е. по платью. Гость, съ своей стороны, долженъ отплатить хозяину и всѣмъ присутствующимъ такую же любезностью и, въ знакъ особенной вѣжливости, посылаетъ иногда нѣсколько кусочковъ говядины жнѣ киргиза, сидящей поодаль, за сундуками и мѣшками съ имуществомъ. Послѣ этого хозяинъ подаетъ гостю ковшъ съ кумысомъ; гость прихлебываетъ изъ него и передаетъ остатокъ хозяину—это тоже знакъ благовоспитанности со стороны гостя. Разспрашивать «джолаучи» о новостяхъ можно только накормивъ его; поэтому проѣзжій, насытившись, складываетъ руки и принимаетъ спокойную позу, показывая этимъ, что онъ сытъ и готовъ сообщить все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Киргизъ скорѣе самъ подвергнется опасности, нежели допустить ее до своихъ *кунаковъ* (гостей), кто-бы они ни были. Подъ защитою этого гостепріимства, наши промышленники могли и въ прежнее время вести торговня дѣла даже внутри степей. Сами киргизы, считывая на гостепріимство соплеменниковъ, отправляются въ са-

мую дальнюю дорогу безъ всякихъ запасовъ для себя и для лошади. Въ этомъ случаѣ они гарантированы строгимъ судомъ бiа за всякое нарушение правилъ гостепріимства.

Киргизы вообще понятливы и воспріимчивы. При первомъ удобномъ случаѣ они скоро выучиваются русскому языку. Но наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ—пастушескій бытъ—составляетъ почти непреодолимое препятствіе къ переходу ихъ къ осѣдлой, гражданской жизни.

Жизнь киргизовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, обуславливалась средствами ихъ существованія—скотомъ. Скотъ давалъ и даетъ имъ все: пищу, одежду, матеріалъ для жилища и деньги. Понятно, слѣдовательно, что киргизъ привыкъ цѣнить свой скотъ наравнѣ съ жизнью, и что даже и мѣрою служить ему тотъ-же скотъ (въ торговлѣ единицею цѣнности служить у нихъ баранъ, соотвѣтствующій одному рублю). «Малъ джанъ аманы?» *какъ состояніе скота и души?* обращаетъ киргизъ обычное привѣтствіе знакомому и незнакомому, азіату и европейцу. И замѣчательно, скотъ у него поставленъ ранѣе души. Только получивъ удовлетворительный отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ, вопрошающій еще разъ спрашиваетъ: «бала аманъ ба?» *здорово-ли семейство?* Встрѣчаясь на дорогѣ, киргизы привѣтствуютъ другъ друга: «атъ лау аманъ-ба?» *хорошо-ли провожаешь лошадей?..* Скотъ вездѣ у нихъ на первомъ планѣ. Чье-либо богатство киргизъ опредѣляетъ числомъ лошадей или овецъ. «Большой человѣкъ, хорошій человѣкъ, много имѣетъ денегъ—тысяча лошадей будетъ!» говоритъ киргизъ про своего знатнаго родовича, ударяя сильно на *а* тамъ, гдѣ мы ставимъ *о*. Почему покупалъ *бязъ* (бумажная матерія) въ нынѣшнемъ году? спросите вы у киргиза. — «За барана давалъ зимою купецъ штука (т. е. бязи)».

Понятно, что киргизъ, обязанный многимъ въ своемъ существованіи скоту, и дорожающій имъ выше всего, подчиняетъ всѣ условія своей жизни соображеніямъ о прокормленіи и размноженіи своихъ

стадъ. Потребность находить для нихъ кормъ заставляетъ киргиза *кочевать*.

По самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ оказывается, что для такого огромнаго количества скота, какое необходимо киргизамъ въ ихъ быту, не нашлось-бы подходящихъ пастбищъ и не хватило-бы ни чьихъ рукъ для заготовленія сѣна, чтобы продержатъ весь этотъ скотъ на готовомъ корму цѣлый годъ, или даже одну только зиму! Каждый мало-мальски зажиточный киргизъ, живущій только «безъ нужды», держитъ нѣсколько сотенъ головъ крупнаго и мелкаго скота, а самые богатые считаютъ свой скотъ не головами, а *стадами, косяками и табунами*! Понятно, что такія стада въ состояніи вытравить въ нѣсколько дней самое тучное и обширное пастбище, а удержатъ ихъ на болѣе или менѣе долгое время на одномъ мѣстѣ — значитъ обречь ихъ на вѣрный голодъ и вымирание. Если-же присоединить къ этому многочисленность киргизскихъ семействъ, то будетъ совершенно понятно, почему этимъ кочевникамъ необходимо приволье, обширныя, просторныя степи.

Что-же касается до природы той мѣстности, которую занимаетъ изстари киргизское племя, то характеръ ея тоже неминуемо приводитъ скотовода къ кочевому образу жизни.

За недавно упраздненной, сибирско-оренбургскою пограничною линіею, «широко пораскинулась» настоящая, безграничная, киргизская степь. Ровно, непривѣтливо, однообразно идетъ она къ югу, на многія сотни верстъ, лишенная, лѣтомъ, отъ палящихъ 40-градусныхъ жаровъ, почти всякой растительности, и окованная, въ продолженіи долгой зимы, 30-градусными морозами.

Издѣлка только встрѣтится въ степи такой ручей, въ омутѣхъ котораго вода держится даже лѣтомъ, — и куда какъ ярка покажется зелень вокругъ его, по сравненію съ бурой, высохшею травою степи. Только тутъ и можно встрѣтить людей и животныхъ. Здѣсь мѣстность оглашается криками и говоромъ, а за предѣлами

ея, гдѣ солнце жгло и убило растенія, лежитъ пустыня, тихая, безмолвная, едва обитаемая низшими животными. Въ центральныхъ-же частяхъ степи вся почва состоитъ изъ песку или красной глины, пропитанной солью.

Только на востокъ и юго-востокъ киргизская степь упирается въ высокіе горные хребты: Тарабагатайскій и Алатау, увѣнчанные вѣчными снѣгами и изрѣзанные роскошнѣйшими долинами и склонами. Понятно, что киргизы, кочующіе близъ этихъ горъ, высоко цѣнятъ горныя долины, какъ отличныя мѣста для кочевовъ. Но и этихъ роскошнѣйшихъ пастбищъ слишкомъ мало для громадныхъ стадъ киргизскаго народа, да и мѣста эти, по высотѣ ихъ положенія, далеко не всегда бываютъ доступны для кочевовъ, такъ какъ глубокіе снѣга и страшные морозы царствуютъ здѣсь въ продолженіи всей зимы.

Вышеупомянутая измѣнчивость и непостоянство степной природы и разбросанность на огромныхъ разстояніяхъ удобныхъ для пастбищъ мѣстъ, невольно заставляютъ киргиза-скотовода, даже владѣющаго незначительнымъ количествомъ скота, переходить съ нимъ въ теченіи года съ мѣста на мѣсто.

Но не нужно думать, чтобы кочевникъ-киргизъ вполне и слѣпо подчинялся окружающей его природѣ. Напротивъ, онъ пользуется ею по извѣстному, обдуманному плану, съ глубокимъ и вѣрнымъ расчетомъ, по выработанной многими поколѣніями системѣ. «Дерво стоитъ на одномъ мѣстѣ и питается тѣмъ, что вокругъ его находится, а вольная птица летитъ туда, гдѣ ей лучше», говоритъ киргизская пословица.

Прежде всего киргизу необходимо для его многочисленныхъ стадъ выбрать «зимовку» — *кзеу*. Выборъ зимовки требуетъ большаго знанія. «Кзеу» должна заключать въ себѣ мѣстность луговую и степную, такъ какъ верблюды и бараны ѣдятъ сухую, пропитанную солью, солонцеватую траву, а лошади и коровы любятъ чернотравіе. При этомъ, нужно еще наблюдать, чтобы зимовка не могла быть за-

носіма слишкомъ глѣбокимъ снѣгомъ, или покрываема гололедицею, таеъ какъ скоть, въ этомъ случаѣ, не въ состояніи будетъ добывать себѣ подножный кормъ; съ этою цѣлью киргизъ выбираетъ мѣстность покатую къ сторонѣ господствующихъ вѣтровъ, которые сдували-бы излишній снѣгъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что скоть у киргизовъ, подобно имъ самимъ, какъ нельзя болѣе *при-натуренъ* къ степи; дикій пылъ, неустрашимость и невѣроятная выносливость — составляютъ отличительныя качества ихъ лошадей, верблюдовъ, воловъ и барановъ. Пользуясь этимъ, киргизъ иногда ловко обходится съ зимовкою, хотя-бы она и неудовлетворяла всѣмъ требованіямъ настояще «кзеу»; онъ на одно и то-же пастбище пускаетъ сперва лошадей, которые срываютъ верхушку травы; потомъ ходить здѣсь рогатый скоть, который довольствуется серединою растеній, затѣмъ тутъ-же пасутся бараны, съѣдающіе остатки травъ.

Какъ только весеннее солнце согонитъ снѣга, киргизъ поднимаетъ свою юрту, «ломаетъ» ее, навьючиваетъ со всѣмъ имуществомъ на верблюдовъ, и, въ сопровожденіи чадъ и домочадцевъ, начинаетъ *кочевать*, т. е. отыскивать мѣста для корма скота или «лѣтовья». Придя на какое-либо мѣсто, онъ занимаетъ его до тѣхъ поръ, пока окрестная трава не будетъ вытравлена скотомъ. Подвигаясь, такимъ образомъ, впередъ, всегда по дугообразной линіи, для того, чтобы не пришлось послѣ идти по вытравленной дорогѣ, киргизъ къ зимѣ ворочается другими путями назадъ, къ «зимовкѣ».

Понятно, что величина кривой, описываемой въ кочевкахъ киргизомъ, зависитъ отъ изобилія подножного корма на лѣтовкахъ и отъ многочисленности его стадъ. Богатые киргизы въ теченіи года дѣлаютъ со своими стадами болѣе 2,000 верстъ! Но чѣмъ бѣднѣе киргизъ, тѣмъ круги, описываемые его стадами во время лѣтовокъ будутъ менѣе. Тѣ-же киргизы, которыхъ имущество состоитъ всего изъ нѣсколькихъ головъ скота, такъ называемые *джетаки*, «лежащіе», остаются круглый годъ на мѣстѣ.

Киргизскія семьи никогда не кочуютъ одиноко, а всегда цѣлыми родами. При патріархальномъ складѣ жизни, киргизы помнятъ самое дальнее родство, и считаютъ близкимъ человѣкомъ каждаго, кто, по степной, очень сложной и подробной генеалогіи, происходитъ отъ одного съ ними родоначальника. Родственные узы, сплочивая многолюдные роды въ одно цѣлое, даютъ имъ средства охраняться общими силами противъ грабежей и отгоновъ скота со стороны сосѣдей (баранта). Съ другой стороны, необходимость не группироваться на одномъ мѣстѣ, чтобы не вытравливать кормъ для скота, заставляетъ кочующіе аулы одного и того-же рода раздвигаться настолько широко, насколько это нужно для стадъ. Такимъ образомъ, киргизскій родъ, начавшій кочевать, двигается по степи широкою линіею, которая раздвигается или укорачивается, смотря по обилію подножного корма.

Теперь въ степи установилось неписанное, но признаваемое всѣми кочевниками право извѣстныхъ родовъ на опредѣленные зимовки и на опредѣленное направленіе лѣтнихъ кочеваній. Но въ прежнее время, въ особенности за обладаніе хорошею зимовкою, происходили кровопролитныя стычки между разными родами.

«Зимовки» избираются киргизами преимущественно въ степяхъ. Раннюю весну и позднюю осень, т. е. самое дождливое время года, они проводятъ также въ степи. Лѣтомъ-же они, обыкновенно, стоятъ лагеремъ въ горахъ, и тутъ, во время самыхъ сильныхъ жаровъ, поднимаются иногда до уровня снѣговой линіи.

Кочевой бытъ киргизовъ, какъ и всякій другой патріархальный бытъ, лишенный высшаго государственнаго или общественнаго строя, держится *родовымъ бытомъ*, въ которомъ слабое, неразвитое племя полудикарей находитъ для себя твердую опору и почерпаетъ иногда неистощимую силу и живучесть. Чтобы понять, что такое киргизскій родъ и что значитъ для кочевника *родовая община*, необходимо привести здѣсь нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ ея.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что киргизы дѣлятъ себя на два сословія: *акъ-сіюкъ*—«бѣлая кость», и *кара-сіюкъ*—«черная кость». «Бѣлою костью» величаютъ себя султаны и мананы, т. е. начальники киргизскихъ волостей и предводители родовъ, производящіе себя отъ потомковъ великаго завоевателя, Чингисъ-хана. «Черною костью» именуется остальной киргизскій людъ, т. е. чернь, неимѣющая ясныхъ доказательствъ своего прямаго происхожденія отъ великаго завоевателя.

У киргизовъ раздѣляются на роды или образуютъ родовыя группы собственно только «бѣлая кость», султаны (у казаковъ) и мананы (у кара-киргизовъ). Народъ-же, «черная кость», только принимаетъ на себя родовое названіе того манана или султана, подъ покровительствомъ котораго онъ находится или чью власть признаетъ. Случается, что отдѣльныя семейства переходятъ отъ одного манана къ другому, и въ этомъ случаѣ они мѣняютъ названіе своего рода. Но такіе случаи, нужно замѣтить, бываютъ очень рѣдки, такъ какъ киргизы крѣпко держатся своего рода; даже илѣнные киргизы сохраняютъ названіе своего рода, который часто замѣняетъ для нихъ собственное имя.

Начальникомъ рода (союза дальнихъ родственниковъ) служитъ султанъ или мананъ, званіе котораго получается по праву рожденія.

Прочность родового союза основывается прежде всего на общности экономическихъ интересовъ всѣхъ сородичей. Связь между членами одного и того же рода, въ экономическомъ отношеніи, самая тѣсная. У киргизовъ владѣніе землей общинное. Каждый родъ и отдѣлъ имѣютъ свой опредѣленный участокъ; на этомъ пространствѣ каждый изъ родовичей можетъ имѣть свои пашни, лѣтовки и зимовки; но родъ ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто изъ другаго отдѣла не занималъ ихъ земель. Особенно жаркіе споры бывали у нихъ изъ за-зимовокъ.

Общинный характеръ родового союза проявляется также въ селад-

чинахъ сородичей на нѣкоторыя общественныя нужды и увеселенія. Такъ, знаменитыя киргизскія тризны по умершемъ отбываются всегда цѣлымъ родомъ; даже нѣкоторыя изъ свадебныхъ увеселеній справляются на счетъ всего отдѣленія.

Въ частности, родъ служить для киргизъ прибѣжищемъ во всѣхъ несчастіяхъ и бѣдахъ. Родъ даетъ ему безопасность отъ враговъ; въ случаѣ обиды кого нибудь изъ родовичей, за него вступается весь родъ (посредствомъ баранты), или же въ лицѣ родоправителя.

Въ случаѣ голода, падежа скота, неурожая и тому подобныхъ несчастій, киргизъ также получаетъ помощь отъ своего рода: ему даютъ нѣсколько барановъ, лошадей, коровъ, или «капъ» (2-3 пуда) хлѣба. То же бываетъ при уплатахъ штрафовъ по рѣшеніямъ біевъ, т. е. судей когда приговоры ихъ оказываются обременительными для отдѣльнаго лица. «Кунъ» или выкупъ за преступленіе, совершенное однимъ родовичемъ, всегда выплачивается цѣлымъ родомъ. Если убійство совершить султанъ или манапъ, то «кунъ» платится за него также всѣмъ родомъ, по раскладкѣ на кибитку.

Иногда случается, что при перекочевкахъ съ зимовокъ на лѣтовки, когда приходится проходить земли чужихъ родовъ, киргизъ отстаетъ отъ своихъ, или его задерживаетъ на дорогѣ между чужими какое нибудь несчастіе. Въ такомъ случаѣ, киргизъ шлетъ о томъ извѣстіе къ родовичамъ, и получаетъ отъ нихъ помощь, которая заключается, напримѣръ, въ присылкѣ выючнаго скота, что и даетъ ему возможность снова присоединиться къ своимъ.

Родовой, общинный духъ проникаетъ даже въ частныя отношенія киргизовъ. Сколько бы одноаульцевъ ни пришло въ кибитку киргиза, въ какое-бы то ни было время, всякій получаетъ отъ него по кусочку баранины или другаго яства, и это не по требованію извѣстныхъ правилъ гостепріимства, а по праву родства. Бѣдняки, въ праздничные дни, присутствуютъ при убоѣ скота богатаго родовича, при этомъ получаютъ отъ него небольшія части баранины и другія яства; час-

то они сопровождаютъ богатаго кочевника при его выѣздахъ, какъ рой пчелъ свою матку, и въ этомъ случаѣ содержатся на его счетъ.

Родовая связь у киргизовъ весьма сильна. Киргизъ рѣдко сознается въ преступленіи, хотя бы улика была на лицо, въ полной увѣренности, что его одноульцы скорѣе согласятся сложиться и заплатить за хищничество «кунъ», чѣмъ выдать родича-преступника. Киргизъ не имѣетъ права даже взять жену изъ своего рода, такъ какъ это считается уже кровосмѣшеніемъ. При сборищахъ киргизовъ на праздники, всѣ однородцы считаются какъ бы за одного человѣка—одни хозяевами, а прочіе-гостями. При этомъ, самыми почетными изъ гостей считаются, обыкновенно, наиболѣе удаленные роды, такъ какъ право гостепріимства распространяется преимущественно на чужихъ, постороннихъ людей.

Дорожа своимъ родомъ, киргизъ цитаетъ къ нему безграничное почтеніе въ лицѣ всѣхъ представителей его. Нигдѣ нѣтъ таковаго глубокаго повиновенія и уваженія къ старшимъ въ родѣ, какъ у киргизовъ. Особенно характерно проявляется это уваженіе въ случаяхъ полученія киргизомъ какой нибудь экстраординарной прибыли чрезъ личную доблесть. Такъ, отправляясь на охоту артелью или обществомъ, киргизы всегда отдають лучшаго звѣря или лучшую птицу изъ пріобрѣтенной добычи старшему изъ участвовавшихъ на промыслѣ; но если встрѣтятся имъ, на возвратномъ пути, еще болѣе старый родовичъ, то получившій лучшую часть добычи долженъ отдать ее встрѣтившемуся родовичу. Точно также, полученный на бѣгахъ, въ борьбѣ или на другомъ какомъ нибудь состязаніи призъ никогда не присвоивается себѣ побѣдителемъ, а отдается старшему въ его родѣ. Побѣдитель на скачкахъ отдаетъ старшему родовичу не только самый призъ, но и лошадь, выигравшую оный. Этимъ киргизы какъ бы хотять возвратить роду часть той помощи, какую они получаютъ чрезъ него.

При всемъ томъ, у киргизовъ нѣтъ officialнаго неравенства.

Даже султаны и маналы, чтобы не оскорбить народного чувства, принимаютъ всѣхъ одинаково. Киргизъ идетъ къ высшему себя по словію или по службѣ свободно, входитъ въ его кибитку и располагается какъ ему удобнѣе: на корточкахъ, полулежа на локтѣ, либо избираетъ себѣ изголовьемъ колѣни сосѣда, — и говоритъ при этомъ обо всемъ, какъ равный съ равнымъ.

Такова родовая связь киргизовъ и ея сила. Опираясь на родовое начало, на содѣйствіе всѣхъ родичей и на дѣятельную помощь, поддержку, киргизъ дѣлается хозяиномъ въ пустынь, среди многочисленныхъ враждебныхъ племенъ, и можетъ даже богатѣть здѣсь и размножаться. Родовая связь даетъ ему возможность быстро сплотиться и давать немедленный отпоръ всякому враждебному дѣйствію со стороны окружающихъ хищническихъ племенъ. Но за то, внѣ родовой связи, кочевникъ какъ-то теряется, обезличиваются и мало по малу становится совершенно безпомощнымъ. Киргизъ, почему-либо отбившійся отъ своего рода, быстро бѣднѣетъ, «Трудно жить между чужими», говорятъ киргизы. Родовой, общинный союзъ — это сила, на которой только и можетъ держаться кочевой бытъ ихъ.

Что касается до дикости нравовъ и хищничества, то все это едва ли можно считать послѣдствіемъ родовой сплоченности киргизовъ. И то и, другое есть скорѣе необходимый результатъ ихъ пастушескаго кочеваго быта. Въ прежнее время хищничество составляло почти единственное средство, съ помощью котораго полудикарь-кочевникъ, не имѣвшій понятія о трудѣ, могъ поправлять свое разстроенное хозяйство и даже размножать свои стада. Такое средство заключалось въ знаменитой *«барантѣ»*, удержавшейся нынѣ только въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ частяхъ киргизской степи.

Впрочемъ *«баранта»* была простымъ хищничествомъ только по отношенію къ неодноплеменникамъ. Относительно же одноплеменниковъ *«баранта»* есть, скорѣе, довольно сложный степной законъ,

обставленный многочисленными условіями и оговорками, и основанный на обычномъ правѣ.

Сущность баранты заключается въ хищническомъ отгонѣ скота или табуна лошадей, соединенномъ, очень часто съ разграбленіемъ аула. Киргизъ, потерпѣвшій отъ кого нибудь обиду или оскорбленіе, старается набрать себѣ дружину и отправляется съ нею на поискъ. Барантовщики высматриваютъ стада непріятельскія, подрадываются къ нимъ въ ночное время, и внезапно, воровски, съ дикимъ пронзительнымъ визгомъ, бѣдаются на табуны и угоняютъ ихъ къ своимъ жилищамъ. Такъ барантовали малыя партіи. Но часто набѣги производились нѣсколькими стами и даже тысячами наѣздниковъ, т. е. цѣлыми родами. Въ этомъ случаѣ баранту назначаетъ родоначальникъ. Нападеніе совершается открыто, въ знойный полдень или на разсвѣтѣ, когда все спитъ или отдыхаетъ, для того чтобы застать непріятеля врасплохъ. Грабительству тутъ нѣтъ предѣла! Изступленные, полунатіе, съ дикими воплями, они истребляли все и не давали пощады ни полу, ни возрасту. Юрты разграблялись, скотъ угонялся, а люди и пастухи избивались.

Наѣздники, отличившіеся на барантѣ удальствомъ и храбростью, приобрѣтали весьма почетное названіе — «батырей». При дѣлежѣ захваченнаго на барантѣ имущества, «батырь» получалъ большую часть, даже не дожидаясь общаго дѣлежа, производившагося по извѣстнымъ правиламъ между всѣми родичами.

Такъ какъ для кочевника скотъ есть все, то нанесеніе вреда послѣднему составляетъ самое высшее оскорбленіе для киргиза, оскорбленіе, которое, въ свою очередь, даетъ и ему право барантовать противъ оскорбителей. Вслѣдствіе этого, барантовщики подвергаются такому же раззоренію отъ ограбленныхъ, составляя, такимъ образомъ, взаимною барантою, длинную цѣпь злодѣйствъ, раззорительныхъ для народа и ведущихъ за собою опустошеніе цѣлыхъ ауловъ.

Баранта прекращалась только зимою; но съ наступленіемъ

весны, удалцы снова садились на коней и толпами мчались на грабежъ, вооруженные пиками и «чеканами» (топорами на длинныхъ рукояткахъ)...

Энергическія дѣйствія нашего правительства упыточили среднестепеней этотъ ужасный обычай, немало способствовавшій вырожденію кочевыхъ племенъ. Но въ отдаленныхъ пограничныхъ мѣстахъ, обычай этотъ еще имѣетъ между киргизами своихъ почитателей.

Своеобразный взглядъ кочевника на способъ пріобрѣтенія имущества не менѣе характерно проявляется въ другомъ, противоположномъ барантѣ, обычаѣ, такъ называемомъ «тамырствѣ» (обычай дружитья, отъ слова «тамыръ» — другъ). Обычай этотъ удержался въ полной силѣ до настоящаго времени. Желаящіе подружиться обнимаются другъ съ другомъ чрезъ обнаженную саблю, держа ее на груди, причемъ даютъ клятву быть навсегда въ дружбѣ. Дружба эта заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что каждый изъ двухъ тамыровъ имѣетъ право во всякое время пріѣхать къ другому тамыру и объявить ему *калау*, т. е. свой выборъ: это значитъ, что все, чтобы онъ ни выбралъ, тамыръ обязанъ отдать ему. Присущею «калау» падаетъ на хорошихъ скакуновъ, беркутовъ, ястребовъ, борзыхъ собакъ, ковры, мѣха и т. под. Если послѣдуетъ отказъ въ выдачѣ калау, то дружба разрывается, и никогда и ничѣмъ уже не можетъ быть возобновлена. Послѣдствіемъ этого бываетъ баранта, угонъ лошадей и убійства. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей, киргизы прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ уловкамъ: выдавъ «калау», киргизъ, по праву тамырства, старается поскорѣе объявить свой выборъ, падающій часто на тотъ же самый предметъ, а иногда и на болѣе цѣнный.. Кто въ этомъ случаѣ перехитритъ другъ друга, тотъ и остается въ выгодѣ.. Таковъ обычай тамырства!

Къ числу оригинальныхъ обычаевъ, рисующихъ наклонности «степняка-кочевника» относится также соколиная охота, переня-

тая у киргизовъ ради забавы и нашими старинными князьями и боярами. «Соколиная охота» не составляетъ для киргизовъ промысла или занятія, которому они предавались бы отъ нужды; напротивъ, охота эта составляетъ, по большей части, времяпрепровожденіе богатыхъ киргизовъ, ихъ національное, обычное развлеченіе отъ монотонной жизни пастуха-кочевника, — развлеченіе, которому праздный апатичный азіатецъ предается со всею пылкостью хищника... Поэтому и можно сказать, что «соколиная охота» составляетъ скорѣе народный обычай, нежели промыселъ киргизовъ.

Для каждаго звѣря у киргизовъ имѣется особая охотничья птица, такъ что ихъ насчитывается до семи породъ. Напримѣръ, на волковъ и лисицъ киргизы ходятъ съ беркутами; на горныхъ козъ, драхвъ и лебедей охотятся съ соколами; съ помощью ястребовъ бьютъ утокъ, гусей, стрепетовъ, и проч.

Сами киргизы рѣдко занимаются дрессировкой для охоты хищныхъ птицъ; эту черную работу исполняютъ, обыкновенно, наши волжскіе татары и башкиры. Татаринъ по дѣлнымъ недѣлямъ носитъ хищную птицу на пальцѣ по зарямъ, не кормитъ и не даетъ ей спать, надѣваетъ ей на лапы ремни, завязываетъ колпачкомъ глаза и продолжаетъ эти экзекуціи до тѣхъ поръ, пока птица совсѣмъ перестанетъ дичиться и станетъ по первому зову прилетать къ рукѣ за кускомъ. Тогда татаринъ или башкиръ везетъ птицу въ степь и продаетъ киргизу.

Киргизъ дорого даетъ за охотничью птицу. Хорошій беркутъ дѣнится въ 5—6 верблюдовъ, соколъ — въ 1 или 2 верблюда, ястреба и копчики — дешевле.

Замѣчательна любовь кочевника къ этимъ воздушнымъ, пернатымъ хищникамъ. Киргизъ уже не мучаетъ птицу; черезъ двѣ-три недѣли хищникъ возмужаетъ у него, — перья покроются гляncемъ и глазъ «заиграетъ»... Киргизъ кормитъ его вдоволь, холитъ, гладитъ его, носитъ по степи, словомъ возится съ нимъ, какъ нянька. И

птица, въ свою очередь, не остается равнодушной къ своему патрону.

Но высшее наслажденіе для киргиза начинается тогда, когда онъ отправляется съ своимъ орломъ или беркутомъ на охоту. Предъ этимъ онъ дня 2—3 совсѣмъ не кормитъ птицу. Затѣмъ киргизъ сѣдлаетъ свою коренастую лошаду, садится верхомъ, помѣщаетъ рядомъ, на лукѣ, голоднаго хищника, накрывъ ему глаза колпачкомъ, — и оба катаются по степи... Завидитъ кочевникъ лису или сайтака, сейчасъ же сдернетъ колпакъ съ пернатого хищника, подниметъ на рукѣ такъ, чтобы онъ видѣлъ звѣря — и пускаетъ на свободу... Тяжело взмахнетъ крыльями проголодавшійся орелъ, и пойдетъ на кругахъ, все выше и выше... Киргизъ глазъ съ него не спускаетъ. Но вотъ «пернатый хищникъ» нацѣлилъ на звѣря, и, сложивъ крылья, стрѣлой падаетъ внизъ... У киргиза замеръ духъ! Но беруктъ уже сдѣлалъ свое дѣло: запустивъ когти одной лапы въ голову лисицы, а когти другой — въ ея крестецъ, беруктъ выклевываетъ ей глаза и сильными ударами клюва въ голову убиваетъ ее или ослабляетъ настолько, что восхищенный киргизъ, примчавшись во весь духъ, безъ труда уже доканчиваетъ пораженіе звѣря. Послѣ этого кочевникъ не налюбуется на своего «пернатого товарища», хлать, гладить его и даетъ ему лучшій кусокъ изъ добычи, кусокъ лисей печени...

О хорошей, удалой птицѣ молва пробѣгаетъ по всей степи. Киргизы ѣдутъ за 100 — 200 верстъ и больше, чтобы посмотреть на нее, полюбоваться ея удалью, какъ она лисицъ и волковъ матерыхъ хватаетъ, словно зайцевъ, и душитъ въ когтяхъ... Удивленію ихъ нѣтъ конца! За то и хозяинъ цѣнитъ такую птицу дороже своего скота и жилища...

Киргизы охотятся на звѣрей и съ быстрыми туркменскими собаками (*тазами*); но собаки эти дурно содержатся и вовсе не воспитываются для охоты.

Вышеописанныя наклонности киргизовъ составляютъ, конечно, крупныя пороки, но, во всякомъ случаѣ, не прирожденные имъ, а навѣянные прежнимъ хищническимъ бытомъ, — пороки, подѣ влияніемъ русской цивилизаціи, все болѣе и болѣе сглаживающіеся и даже совсѣмъ исчезающіе. Въ настоящее время, киргизъ-кочевникъ въ сущности, уже выродился и имѣетъ больше задатковъ для мирнаго гражданскаго развитія, нежели для хищническаго быта. Правда, познанія и навыки киргизовъ къ гражданской жизни еще не настолько велики, чтобы они могли тотчасъ же перейти къ ней; но этого, конечно, нельзя и требовать отъ нихъ; хорошо уже и то, что въ нихъ есть несомнѣнные задатки для постепеннаго перехода къ слѣдующей, высшей степени цивилизаціи.

Свѣдѣнія киргизовъ касаются, главнымъ образомъ, узкой сферы пастушескаго быта. Киргизъ знаетъ на небѣ Полярную звѣзду (*темиръ-казыкъ* — желѣзный гвоздь), которая указываетъ ему дорогу въ степи, Большую Медвѣдицу, по которой онъ опредѣляетъ время ночи, Венеру (*караванъ-джылдызъ* — звѣзду каравановъ), поднимающую его въ дальній путь. Знаетъ также привычки и свойства своихъ животныхъ и разныя благопріятныя и неблагопріятныя условія кочевовъ.

Но, кромѣ того, киргизамъ извѣстны и многія изъ условій осѣдлаго быта. Киргизъ умѣетъ приготовить себѣ всѣ вещи, нужныя для домашняго обихода. Всякому матеріалу, который даетъ имъ скотъ, они могутъ придать форму, удобную для личнаго употребленія. Они умѣютъ валять кошмы и войлоки, ткать армячину, выдѣлывать кожи, мѣха, замшу, готовить «сабы» (кожаные мѣхи для храненія кумыса), «чембары» (кожаные штаны), «яргаки» (шубы изъ телячьихъ шкуръ), «турсуки» и «бурдюки» (мѣшки изъ конскихъ и овечьихъ кожъ), «кебежи» (сундуки изъ сырыхъ коровьихъ кожъ), шить сапоги и платье, дѣлать арканы, конскую сбрую, молоть муку и проч., и знакомы отчасти съ бузничнымъ, плотничнымъ

и красивымъ мастерствами. Остальныя же вещи, какъ-то: домашнюю посуду, разныя матеріи и металлическія вещи — они получаютъ, по большей части, изъ Россіи и среднеазиатскихъ ханствъ. Но и вышеперечисленныхъ ремеслъ и свѣдѣній киргизовъ достаточно, чтобы составить прочное основаніе для ихъ дальнѣйшаго гражданскаго развитія.

Къ хлѣбопашеству киргизы пока переходятъ только вслѣдствіе крайней необходимости, потерявши, наприимѣръ, весь свой скоть и сдѣлавшись «джетаками (лежащими, неkochующими)». Такихъ обездоленныхъ кочевниковъ, вслѣдствіе прежней баранты и разныхъ стихійныхъ бѣдъ, весьма часто посѣщающихъ киргизскую степь, накопилось уже множество, и они, волей-неволей, образовали особый классъ — «игинчи» — пахарей. Понятно, что положеніе этихъ подневольныхъ пахарей не могло сдѣлаться особенно завиднымъ. Во первыхъ, для истаго киргиза, «игинча» — пахарь — слово презрительное, означающее самаго послѣдняго, самаго низкаго человѣка. Одно уже это обстоятельство не можетъ служить особеннымъ поощреніемъ для киргиза къ земледѣльческому труду. Къ тому же киргизы ѣдятъ хлѣба мало и неохотно, и потому самыя «закромы хлѣба» также не могутъ для нихъ представлять особенной прелести. Сверхъ того, неумѣнье взяться за дѣло, отсутствіе навыка къ земледѣлію и вообще привычки къ труду, и, наконецъ, постепенное распаденіе, вслѣдствіе новыхъ условій жизни, родоваго общественнаго быта, — все это ставитъ пахаря-киргиза въ самое ужасное положеніе. Покопавшись кое-какъ вмѣсто сохи допотопной лопатой у своей пашни, и оросивъ ее, по обыкновенію всѣхъ среднеазиатцевъ, тощимъ каналомъ («сарыкомъ»)*), киргизъ-«игинчи» больше уже не знаетъ никакихъ заботъ

*) Искусственно проведенная вода оставляетъ для оскѣдлыхъ среднеазиатцевъ, вслѣдствіе особнхъ условій природы, такой же источникъ благосостоянія, какъ скоть у кочевниковъ. Владѣтъ большимъ «арыкомъ» — ирригаціоннымъ кана-

о своей землѣ, и, предоставивъ все дѣло собственному его теченію, едва успѣваетъ собрать даже затраченныя сѣмена. Селится онъ также на манеръ своихъ отцовъ и братьевъ кочевниковъ — въ кибиткахъ. Но юрта не домъ; она не предназначалась для земледѣльца и въ высшей степени непрактична для жизни на мѣстѣ. Оттого грязь, нечистота, холодъ, повсемѣстныя лохмотья и вѣчные болѣзны, — вотъ обыкновенные атрибуты некочующихъ киргизовъ или «джетаковъ».

Многіе изъ этихъ «игинчи» или пахарей доходили до такой крайности, что продавали своихъ дѣтей въ азіатскихъ владѣніяхъ за какой-нибудь «капъ» хлѣба, чтобы только имѣть возможность продлить свое существованіе. Образовавъ особый, довольно многочисленный классъ нищихъ (*байгушей*), они ходили толпами по нашимъ линейнымъ селеніямъ, городамъ и крѣпостямъ, въ грязныхъ рубищахъ, съ дѣтьми — большею частью — нагими, выпрашивая милостыню, или же пускаясь въ хищничество. Въ настоящее время, «байгуши» нанимаются въ работу къ русскимъ земледѣльцамъ, а также занимаются на заводахъ и пріискахъ, или же служатъ въ пастухахъ (*кончи*) у богатыхъ киргизовъ.

Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы подобное положеніе киргизовъ — пахарей было естественнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ перехода ихъ къ осѣдлому быту. Существуетъ, безъ сомнѣнія, множество условій, при которыхъ и кочевникъ можетъ сдѣлаться — и дѣлался — прилежнымъ, зажиточнымъ земледѣльцемъ. Но, во всякомъ случаѣ, несчастный примѣръ «игинчей», служа какъ бы подтвержденіемъ взглядовъ кочевниковъ, не особенно располагаетъ послѣднихъ

ломъ, для азіата-земледѣльца значитъ быть богатымъ. Вслѣдствіе этого, самое землевладѣніе въ Средней Азіи основано на правѣ «оживленія», т. е. по мѣстному закону, только тотъ имѣетъ первоначальное право на обладаніе землей, кто ее оросилъ, оживилъ. Этотъ взглядъ отчасти проникъ и къ киргизамъ.

къ подражанію имъ. И дѣйствительно, жизнь большинства кочевниковъ, по сравненію съ положеніемъ пахарей, представляется просто раемъ.

Въ торговлѣ киргизы также не принимаютъ непосредственнаго участія, хотя сношенія ихъ съ Россіей и азіатскими странами производятся довольно дѣятельно, конечно азіатскимъ способомъ — съ помощью верблюдовъ или посредствомъ, такъ-называемыхъ, «каравановъ». Драгоцѣнныя качества верблюда, этого «корабля пустыни», даютъ возможность переходить съ товаромъ даже безводныя и безтравныя пустыни киргизскихъ степей. Караванные пути пересѣкаютъ киргизскую степь во всѣхъ направленіяхъ, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Когда ѣдешь по степи, то на сѣрожелтой ея поверхности пути эти вездѣ раскинулись темными лентами, проторенными копытами верблюдовъ и тяжелыми колесами азіатскихъ товарныхъ арбъ.

Многіе изъ киргизовъ разводятъ верблюдовъ спеціально для караваннаго найма; богатые кочевники держатъ съ этой цѣлью сотъ по пяти верблюдовъ. Вожаками верблюдовъ въ караванахъ или «чапарами» служатъ также киргизы. Вожаки, или чапары, въ караванѣ подчиняются обыкновенно «караванъ-башѣ» (караванному старшинѣ), избираемому изъ среды кунечества. Караванъ-баша разбираетъ распри между чапарами, принимаетъ нужныя мѣры для безопаснаго слѣдованія каравана, развѣдываетъ о киргизскихъ родахъ, кочующихъ близъ дороги — дружественные они, или враждебные, и по общему совѣщанію съ чапарами, располагаетъ ходомъ каравана, назначаетъ ночлеги и остановки.

Движеніе каравана въ степи представляетъ чрезвычайно оригинальную картину. Верблюды, навьюченные разнымъ товаромъ, идутъ обыкновенно, одинъ за другимъ, гуськомъ, или, по караванному выраженію, «ниткой». Для этого ихъ привязываютъ одного къ другому посредствомъ особыхъ уздечекъ, состоящихъ изъ веревочки, прикрѣ-

пленной къ бонцамъ маленькой палочки или кости, продѣтой въ носовой хрящъ верблюда. При остановѣ на кормежѣ нужно только потянуть верблюда за эту уздечку, и онъ тотчасъ становится на колѣни; въ это время безъ труда снимаютъ съ него вьюкъ, а самого его пускаютъ на подножный кормъ. Утромъ, по слову: «чокъ!» верблюдъ опять становится на колѣни и даетъ власть на себя пошу въ особую раму, прикрѣпленную къ его спинѣ и обшитую войлокомъ.

Поставляя верблюдовъ подъ караваны и служа вожаками ихъ, киргизы въ самой торговлѣ не принимаютъ никакого участія. Караванная торговля почти вся находится въ рукахъ среднеазиатскихъ купцовъ и отчасти русскихъ. Въ торговомъ отношеніи киргизъ зависитъ отъ другихъ. Болѣе всѣхъ прижимаютъ киргизовъ туркестанскіе жители — *сарты*. Сартъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, непременно торгашъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Будучи дѣятеленъ по натурѣ, онъ неутомимъ въ надуваніи ближняго и въ какапливаніи денегъ. Трусливый по характеру, сартъ не боится рисковать своею жизнью, если этотъ рискъ дастъ ему барышъ. Совершенно равнодушно отправится онъ съ караваномъ черезъ всѣ среднеазиатскія трудобы и пустыни въ Москву, Нижній Новгородъ, Семипалатинскъ, или въ Индію, зная хорошо, что трудобы эти и пустыни заселены кругомъ хищными племенами, у которыхъ грабежи почти единственное средство къ существованію. Понятно, что для такихъ отважныхъ барышниковъ, каковы сарты, болѣе другихъ добродушный и наивный — киргизскій народъ представляетъ неистощимый источникъ наживы. Ежегодно, вмѣстѣ съ приходомъ киргизскихъ родовъ на зимовки, у богатѣйшихъ ауловъ непременно появляется переносная юрта приващика какого нибудь сарта. Раздавая свой товаръ, приготовленный на киргизскую руку, подъ барановъ и скотъ будущаго приплода, приващикъ беретъ за свой товаръ въ нѣсколько разъ дороже его настоя-

шей цѣны. Распродавъ въ кредитъ товаръ, прикащикъ спокойно возвращается къ хозяину съ отчетомъ, такъ какъ онъ знаетъ, что долги почти никогда не пропадаютъ за киргизами. Къ осени, этотъ долгъ сберется по ауламъ, и гурты скота, полученнаго отъ киргизовъ, пригоняются въ мѣста жительства сартовъ для нагула.

Не мудрено, что сами киргизы не принимаютъ никакого участія ни въ торговлѣ, ни въ промышленности, и не хлопочутъ много ни о какихъ перемѣнахъ въ быту или улучшеніяхъ. Потребности кочевника чрезвычайно просты и однообразны. Незначительный капиталъ въ скотѣ, напримѣръ, 200—250 барановъ, съ пропорціональнымъ количествомъ коровъ и лошадей, дѣлаетъ жизнь киргиза совершенно счастливою. Киргизъ счастливъ, если у него есть скотъ для прокормленія, кибитка для защиты отъ непогоды, постель для сна и жена для услуги. При подобномъ состояніи, даже прихотливый киргизъ можетъ удовлетворить всеѣмъ своимъ потребностямъ. Привольно беззаботно ему живется тогда! Онъ веселъ и гордъ, любясь своими жирными барапами и десяткомъ — другимъ маленькихъ, горбоносыхъ, кадыкастыхъ лошадей. Кругомъ его раздолье, такое же широкое, какъ мать его — степь. Если же состояніе его будетъ выше, то у киргиза всетаки не явится ни одной новой потребности; онъ станетъ только ѣздить на хорошей лошади, вмѣсто посредственной; станетъ покупать ташкентскія или китайскія сѣдла, вмѣсто грубыхъ и жесткихъ киргизскихъ; заведетъ двѣ «сабы», вмѣсто одной; уберетъ внутренность юрты *тикеметами* (росписными кошами и коврами) вмѣсто простыхъ кошешъ; однимъ словомъ, количество потребностей останется тоже, но, съ увеличеніемъ его состоянія, киргизъ станетъ улучшать только качество потребляемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, потребности и бѣдныхъ, и богатыхъ кочевниковъ почти одиѣ и тѣ же; удовлетворяются же онѣ, смотря по состоянію, съ большею или меньшею прихотливостью. Киргизъ, главнымъ образомъ, заботится о томъ, чтобы его состояніе

позволяло ему продолжать кочевой образъ жизни и чтобы, въ противномъ случаѣ, не обратиться — чего боже упаси — въ «джетака» или пахара.

Жилище.

Становища или аулы киргизовъ стоятъ въ степи чрезвычайно рѣдко одинъ отъ другаго, такъ что по жилищамъ кочевниковъ путешественникъ не можетъ опредѣлить направление своего пути, какъ по нашимъ селеніямъ. Лишь въ кои-вѣки доберешься въ необозримой степи до такой прогалины или ложбины, гдѣ вблизи ручья невысыхающаго и лѣтомъ, прятая за «борханомъ» (бугромъ) и тростниками, пріютились эти невзрачные аулы, состоящіе изъ сплотившихся группами юртъ, покрытыхъ потемнѣвшими войлочками. Непривычному человѣку юрты, съ перваго раза, покажутся кучками насыпной земли. Забѣлится такой аулъ издали чрезвычайно трудно. Гораздо скорѣе можно добраться до него по особенному аульному запаху. Воздухъ вокругъ жилища кочевника пропитанъ запахомъ скотскаго навоза. Въ чистомъ степномъ воздухѣ далеко слышенъ этотъ характеристическій запахъ, перемѣшанный съ гарью, выдавая тѣмъ присутствіе аула, хотя бы онъ и былъ спрятанъ за камышами и прогалинами.

Первое живое существо, которое увидишь, приближаясь къ аулу, это верблюды, пасущіеся на солонцеватыхъ, повидимому совершенно безплодныхъ степяхъ. Медленно подниметъ верблюдъ свою голову съ земли и его умные глаза выразятъ недоумѣніе при видѣ людей, непохожихъ на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ. Увидя, что эти люди приближаются къ нему, онъ сдѣлаетъ неловкій скачекъ въ бокъ и, судорожно согнувши свой жалкій хвостъ, побѣжитъ по равнинѣ, нескладно сгибая свои мозолистые ноги и ныряя всѣмъ корпусомъ въ воздухъ...

Въ ближайшихъ къ аулу частяхъ степи, раскинулись стада барановъ, будто разсыпанныя по ней кучи камешковъ. А еще ближе къ аулу—пасутся лошади и рогатый скотъ.

Около самыхъ юртъ бродятъ худыя, злѣйшія собаки, съ стоячими ушами, кидающіяся съ остервененіемъ на всякаго человѣка, непохожаго на киргиза. Нѣкоторые изъ нихъ, забравшись въ середину какого нибудь остова павшаго животнаго, съ сердитымъ ворчаньемъ обглаживаютъ на немъ бахромки мяса... Заслышавъ проѣзжихъ, онѣ съ недоумѣніемъ выберутся изъ костяка и вспугнутъ тѣмъ цѣлую стаю сорокъ и другихъ пернатыхъ спутниковъ степняка—бечевника. Гдѣ нибудь въ сторонѣ, на «барханѣ», сидитъ огромной орелъ—стервятникъ, гордо слѣдящій за проѣзжими. Женщины-киргизки повылѣзутъ изъ юртъ, въ своихъ высокихъ головныхъ уборахъ изъ грубаго коленкора. Прикрывъ глаза рукою, онѣ будутъ стоять у юртъ и смотрѣть съ тупымъ вниманіемъ на проѣзжающихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не пропадутъ за горизонтомъ. Совершенно голыя, до невѣроятности грязныя, вывалявшіяся въ навозѣ дѣти, сидѣвшіе, пока путешественники были недалеко, внутри юртъ, пугливо забившись по угламъ, теперь выбѣгутъ въ степь, замахають руками, закрмчатъ, запищатъ и пошлютъ вслѣдъ за путешественниками стаю волкообразныхъ собакъ, съ поднятою на спинѣ шерстью. Сами же хозяйка кибитокъ, пожилые киргизы, праздно снующіе верхомъ взадъ и впередъ вокругъ ауловъ, завидѣвъ путешественника, непременно поскачутъ къ нему на встрѣчу, чтобы спросить: «что на свѣтѣ новаго?»

Каждый аулъ состоитъ изъ десяти или пятнадцати юртъ, расположенныхъ неподалеку одна отъ другой и занятыхъ семействами кровныхъ родичей. Первое мѣсто занимаетъ юрта главы аула—отца или дѣда—кровныхъ родичей. Рядомъ съ его юртой помѣщаются юрта *бай-баче*, т. е. его первой жены и такая же юрта для *токелз* («безрогихъ», т. е. неимѣющихъ вліянія на мужа—младшихъ женъ).

Всѣ дѣти живутъ въ кибиткахъ своихъ матерей. Взрослые же сыновья имѣютъ каждый свою юрту. Какъ только сынъ женится, ему сейчасъ ставятъ отдѣльную юрту, недалеко отъ отца, и надѣляютъ его скотомъ, вычитая при этомъ, уплаченный за его жену калымъ: чѣмъ больше у него женъ, тѣмъ меньше у него имущества; но онъ очень часто дополняетъ его барантой. Каждый изъ женатыхъ сыновей ставитъ подлѣ своей юрты, въ свою очередь, кибитки для своихъ женъ и т. д. Все это расположено группами по строгому порядку старшинства членовъ рода, огорожено общей тростниковой загородкой и составляетъ «аулъ». Начальникъ его есть старшій между кровными родственниками, — ихъ отецъ или дѣдъ. Скотъ всѣхъ членовъ аула пасется вмѣстѣ, на общемъ пастбищѣ.

Рядомъ съ этимъ ауломъ помѣщается другой подобный же аулъ, члены, котораго состоятъ въ близкомъ родствѣ съ членами перваго. Дальше располагается третій аулъ, члены котораго также находятся въ родствѣ съ двумя первыми, и т. д. Нѣсколько такихъ ауловъ, связанныхъ близкимъ родствомъ и имѣющихъ каждый свои стада и табуны, составляютъ вмѣстѣ «улусъ», начальникомъ котораго служитъ «аксакалъ», т. е. старшій во всемъ союзѣ близкихъ родственниковъ.

За нѣсколько верстъ отъ этого улуса располагается другой подобный же улусъ, всѣ члены котораго состоятъ въ дальнемъ родствѣ съ членами перваго улуса. Нѣсколько такихъ улусовъ вмѣстѣ составляютъ отдѣльный родъ, кочующій по степи широко-раздвинувшейся линіей, и состоящій подъ главенствомъ султана или манапа.

Переносное жилище киргиза «кибитка» или «юрта» (*уй*) въ высшей степени приспособлено къ его походной жизни и напоминаетъ собою остоу животного, или, вѣрнѣе, *трудную клетку*.

Каждая юрта состоитъ изъ деревяннаго *остова* и войлочной по-

крышки. Остовъ, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ три части; верхнюю, нижнюю и среднюю.

Деревянный остовъ, для прочности, стягиваютъ сверху веревочками и широкими тесьмами. Затѣмъ его покрываютъ кошмами, лѣтомъ бѣлыми, а зимою — сѣрыми, въ два ряда. Чагаракъ, или верхній кругъ, остова имѣетъ отдѣльную покрывку изъ особой кошмы; онъ составляетъ дымовое отверстіе въ юртѣ (*тундокъ*) и служитъ въ тоже время вмѣсто окна.

Вполнѣ собранная юрта, покрытая кошмами и обтнутаая веревочками и тесьмами, стоитъ такъ прочно, что если встать на нее взрослому человѣку, то она не покачивается, и ее можно свободно переносить съ мѣста на мѣсто, нисколько не нарушая взаимнаго отношенія частей.

Разбирается юрта еще легче. Ее разъединяютъ на составныя части, навьючиваютъ на верблюдовъ и, такъ сказать, «по суставамъ» перевозятъ на новое мѣсто.

Юрта, занимающая, сравнительно, ничтожное пространство (3—4 сажени въ поперечникѣ и 2 — 3 сажени въ вышину) должна вмѣстить въ себѣ всѣ необходимыя въ домашнемъ быту покои: столовую, гостиную, спальную, кладовую и проч. Поэтому, здѣсь все рассчитано, сообразно, всему опредѣлено свое мѣсто, какъ въ чинамъ ульѣ; каждая вещь, каждый членъ семейства или гость знаютъ, гдѣ ему сѣсть или лечь. Оттого, въ сравнительно ничтожномъ помѣщеніи юрты, небогатый киргизъ ухитряется перѣдко помѣститься съ двумя женами, со всѣми ихъ семействами и домашнимъ скотомъ, и тутъ-же собирается иногда до 50 человѣкъ гостей.

При входѣ въ юрту, на первомъ планѣ, составляющемъ ея заднюю часть, бросаются въ глаза въ порядкѣ уложенные сундуки и кожаные тюки, завернутые въ ковры или узорчатые кошмы («тикеметы»). Тамъ сложено все богатство киргиза, и по количеству этихъ сундуковъ и тюковъ можно съ перваго раза составить вѣрное понятіе

тіе о состояніи хозяина. Передъ этими сундуками всегда сидитъ самъ хозяинъ или сидятъ почетные гости. Середину юрты занимаетъ очагъ.

Лѣвая сторона ея завѣшана пологомъ, который на день подбирается за «ууки», а ночью опускается, отдѣляя, такимъ образомъ, спальню хозяина отъ домочадцевъ и гостей. Тутъ помѣщается деревянная, изрѣдка желѣзная кровать, или просто постельные войлоки, убираемые на день куда-нибудь въ уголь. Правая сторона юрты загорожена стѣнкою или ширмою, сплетенною изъ особаго растенія, называемаго «чіемъ» (родъ соломѣ). Ширма эта непременно вышита разноцвѣтною шерстью или шелкомъ. За этою ширмою помѣщается кладовая. Тамъ хранятся все продовольственные запасы и домашняя посуда. Мясо сырое и копченое виситъ тутъ-же на стоячихъ желѣзныхъ палкахъ съ крючками, или просто на сучьеватыхъ шестахъ. Вѣшаютъ мясо высоко, оберегая его отъ собакъ, которыхъ киргизы никогда не кормятъ.

Между кладовою и стѣнкою изъ сундуковъ и тюбовъ, въ самой задней части юрты, у небогатыхъ киргизовъ помѣщается, обыкновенно, жена хозяина, ея дочери и маленькія дѣти.

Полъ юрты весь устилается войлокомъ или пестрыми кошами.

Внутренняя сторона юрты, для украшенія, обшивается иногда кусками сукна, расположенными симметрически въ видѣ своеобразныхъ узоровъ. «Чагарабъ» или деревянный кругъ вверху юрты и косяки дверей также украшаются красками, рѣзбою, костью, мѣдью и зернальцами.

Внѣшняя сторона юрты, въ видѣ украшенія, обкладывается по краямъ кусками кошмы, обшитой сукномъ.

Дверь юрты закрывается, обыкновенно, опущеннымъ войлокомъ. Дверь эта носитъ характерное названіе: *инъ киръ месъ*, т. е. «собака не войдетъ».

Одежда киргизовъ не сложна. Киргизъ носитъ распахнутую ру-

башеу изъ «бязинной» (бумажной) матеріи, *чамбары*, т. е. штаны изъ козлиной или овечьей кожи; кожаные сапоги, шитые жилами, на одной подметкѣ, безъ рантовъ и безъ стелекъ, съ двойными деревянными каблуками. Поверхъ рубашки надѣваютъ халатъ изъ желтой или сѣрой армячины. Опоясываются ремнемъ съ мѣдными или серебрянными бляхами; къ нему привѣшиваютъ кожанную сумку (*калту*), въ которой хранится огниво и рогъ (*насымъ*) съ нюхательнымъ табакомъ. На бритой головѣ носятъ тюбетейку, сверхъ которой надѣваютъ конусообразную, войлочную шляпу, съ загнутыми вверхъ полями.

Зимою носятъ овчинныя шубы и *яраки*, т. е. халаты изъ козлиной или телячьей шкуры, шерстью вверхъ; грудь оставляютъ по большей части открытою. Въмѣсто шляпы надѣваютъ *малахам*, т. е. овчинныя, крытыя сукномъ, конусообразныя шапки съ полями, загнутыми спереди вверхъ, а сзади—опущенными внизъ.

Национальное вооруженіе киргизовъ составляютъ: пика, «чеканъ» (топоръ на длинной рукояткѣ), лукъ со стрѣлами, кривая сабля и изрѣдка старинное ружье съ фитилемъ.

Одежда богатыхъ киргизовъ сохраняетъ, въ сущности, тотъ-же покррой, но блещетъ серебромъ, золотомъ, шелкомъ, галунами, бархатомъ, дорогими мѣхами, сафьяномъ и т. п. роскошью. При этомъ киргизы страстно любятъ чины, ордена и жалованные кафтаны.

Женщины киргизскія въ одеждѣ немногимъ разнятся отъ татарокъ. Дѣвушки киргизскія (*кызъ*) заплетаютъ волосы въ мелкія косички, соперничая ихъ количествомъ, и носятъ на головѣ шапочки или фески. Замужнія-же киргизки (*катимъ*) заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя распускаютъ по плечамъ, обвертывая ихъ иногда бязью, т. е. бѣлою бумажною матеріею. Головной уборъ замужней женщины состоитъ изъ конусообразной шапки, вышиною въ полъ-аршина, называемой *джимлукъ*. Уборъ этотъ накрывается сверху кускомъ бѣлаго коленкора, концы котораго висятъ сзади; спереди-

же, на лбу, джавлукъ вышивается шелкомъ или унижается корольками, змѣевиками, бусами и т. п.

Остальной костюмъ киргизокъ почти совершенно такой-же, какъ и у татарокъ. Даже бѣлила, румяна и сурьма получаютъ ими, вѣроятно, изъ одного источника съ послѣдними.

Пища кочевника весьма неприхотлива. Не смотря на многочисленныя стада, какими располагаетъ онъ, мясо, противъ всякаго ожиданія, не составляетъ его обыденнаго кушанья и лишь изрѣдка появляется на столѣ только болѣе зажиточныхъ киргизовъ. Даже баранину ѣдятъ ежедневно лишь самые богатые изъ кочевниковъ. Конина-же составляетъ рѣшительно для всѣхъ ихъ лакомство. Мясо верблюдовъ ѣдятъ еще рѣже, такъ какъ рѣжутъ ихъ только въ случаѣ неизбѣжной ихъ смерти, на примѣръ, вслѣдствіе старости болѣзни, увѣчья и т. п.

Такая воздержность кочевника отъ употребленія мясной пищи весьма понятна. Скотъ нуженъ ему не столько для пищи, сколько для удовлетворенія всѣхъ потребностей домашнего быта. Скотъ служитъ киргизу не столько своимъ мясомъ, сколько своею кожею, шерстью и волосомъ. Изъ кожъ киргизъ готовитъ себѣ платье и почти всю свою домашнюю утварь, а шерсть служитъ у него главнымъ матеріаломъ для постройки жилища и, кромѣ того, идетъ ему также на платье и на разныя другія домашнія принадлежности, замѣная подчасъ дерево, пеньку, ленъ и пр. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ, кочевникъ долженъ тщательно беречь и размножать свой скотъ, а отнюдь не истреблять его, и киргизъ хорошо понимаетъ, что съѣвъ онъ лишняго барана или лошади изъ своего стада, то какъ разъ придется ему обратиться въ «джетага» или пахаря.

Вотъ почему главную пищу киргизовъ составляетъ молоко и — что всего неожиданнѣе — просо. Эти два вещества киргизы употре-

бляютъ въ разнообразныхъ формахъ, какъ нельзя болѣе принаровленныхъ къ ихъ походной, кочевой жизни.

Изъ молока, преимущественно овечьяго или козьяго, киргизы готовятъ *куртъ*, т. е. сыръ, довольно питательный, но очень сухой и твердый, некрошащійся и непортящійся, занимающій очень мало мѣста, однимъ словомъ, весьма удобный для дороги. Изъ просяной поджареной муки киргизы готовятъ себѣ *толманъ*, т. е. болтушку съ водою. Одна—двѣ горсти такой муки, разбавленная водою, достаточны въ день для одного человѣка. Выпивъ такой болтушки, киргизъ считаетъ себя совершенно сытымъ.

Національный киргизскій напитокъ составляетъ знаменитый *кумысъ*, приготовляемый изъ кобыляго молока. Едва ли кто такъ умѣетъ готовить кумысъ, какъ киргизы, чему не мало способствуютъ раздолье киргизскихъ степей и качество ихъ скота. Предназначенное для кумыса молоко сливаютъ сперва въ кожаный мѣшокъ (*сабу*), гдѣ оно, въ теченіи нѣсколькихъ дней, тщательно и часто взбалтывается особой палкой — «покеменъ». Для закваски, въ новую сабу владутъ конченную лошадиную жижу; старая же обдержанная саба сама по себѣ служитъ закваской для молока. Отъ частаго взбалтыванія и закваски, молоко постепенно приходитъ въ броженіе, и въ концѣ концовъ получается напитокъ, чрезвычайно питательный, освежающій и слегка опьяняющій. Киргизы употребляютъ кумысъ въ огромномъ количествѣ, какъ русскіе пьютъ брагу. Изъ коровьяго молока киргизы готовятъ *айранъ*, тоже родъ кумыса, но далеко уступающій послѣднему по качеству. Въ большомъ также употребленіи между ними *арака*, перегнанная изъ кумыса водка и наконецъ, *буза*, брата изъ просяной муки.

Чай пьютъ только очень богатые киргизы. Но для гостей напитокъ этотъ считается необходимымъ угощеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ къ чаю подаютъ *достарханъ*—сладости, главнымъ образомъ орѣхи, миндаль, фисташки, кишмишъ и немного сахару. Все это

разсыпается на полотенце, состоящее изъ куска полотна, ситцу или банауса.

Кирпичный чай гораздо болѣе распространенъ между киргизами, нежели обыкновенный, и они пьютъ его совершенно также, какъ и сибирскіе татары.

Киргизы всѣ мусульмане, на сколько это совмѣстно съ ихъ любовью къ свободѣ и страстью къ пастушеской жизни. Они исповѣдуютъ магометанскую вѣру сунитскаго толка, но въ нихъ незамѣтно фанатизма и нетерпимости, присущихъ усерднымъ послѣдователямъ корана. По роду ихъ кочевой жизни, они и мечетей держатъ немного, да ихъ рѣдко приходится и молиться въ нихъ. Въ званіе ахуновъ, имамовъ и муллъ киргизы избираютъ, обыкновенно, казанскихъ татаръ, или сартовъ, которыхъ утверждаетъ въ этихъ должностяхъ оренбургскій муфтій.

Объ ругу съ муллами у киргизовъ есть и *баксы*, истолкователи судьбы, представители прежнихъ вѣрованій въ добрыхъ и злыхъ духовъ, и чуть ли послѣдніе не пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ по сравненію съ первыми. «Баксы» занимаются ворожбою леченіемъ. Главнымъ орудіемъ, при этомъ, служить у нихъ музыкальный инструментъ, родъ сырипки съ разными металлическими побрякушками, изъ котораго они извлекаютъ смычкомъ дикіе звуки, распѣвая непонятныя слова и вызывая духовъ, причемъ кривляются, какъ шаманы, бросаются въ огонь, тычутъ себя ножами.

Вообще, въ киргизскихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ можно до сихъ поръ замѣтить слѣды шаманства, когда-то распространеннаго во всей сѣверной полосѣ Азіи. Киргизы доселѣ поклоняются видимымъ предметамъ изъ міра физическаго. Уединенно стоящее въ степи дерево, гигантскій камень, одиноко выдвинутый на необозримой равнинѣ, горная пещера съ ключемъ чистой воды, могилы «батырей», все это служить у нихъ предметомъ поклоненія. Ни одинъ киргизъ не проѣдетъ мимо могилы «батыря», не слѣзши съ коня и не отпавивши

намаза, причѣмъ оставляетъ обитающему тутъ духу какую нибудь умилоствляющую жертву, лоскутъ одежды, либо хоть клочъ конскихъ волосъ, привѣсивая это на воткнутыхъ вокругъ кольяхъ.

Обряды же собственно мусульманскіе, какъ то посты, молитвы, омовенія, посѣщеніе Мекки—исполняются ими не такъ охотно.

Образъ жизни, праздники и обряды.

Киргизскій день начинается съ восходомъ солнца. Едва блеснетъ первый лучъ свѣта, какъ мулла, или кому случится проснуться раньше, затягиваетъ *азанъ* (призывъ на молитву). Сейчасъ же открываются двери всѣхъ юртъ и проснувшіеся обитатели идутъ къ водѣ для совершенія «намаза». Послѣ омовенія читается первая молитва въ юртѣ или на дворѣ. Жены обязаны къ этому времени убрать постели, развести огонь и приготовить завтракъ, который состоитъ, большею частью, изъ «кужи», просяной похлебки. Если средства позволяютъ, то прибавляютъ въ котель съ кужей—молока, курдючнаго сала, конской колбасы или айрану. Если есть остатки отъ ужина, то они подаются тутъ же. Вообще киргизъ любитъ въ это время поѣсть плотно.

По окончаніи завтрака, вымывъ руки и погладивъ себя по бородѣ, со словами *Алла-акъ-бергъ*, всѣ встаютъ и каждый идетъ къ своему дѣлу: женщины доятъ скотъ предъ угономъ его въ поле, мужчины же, по обыкновенію, идутъ гулять. Подоивъ скотъ и отпустивъ его въ поле, женщины принимаются готовить запасы провизіи—айранъ, кумысъ и проч. Дѣти въ это время собираютъ дрова и носятъ воду. Молодые дѣвушки готовятъ себѣ приданое, валяютъ кошмы, вышиваютъ по нимъ разные узоры, снуютъ тесьмы. Вообще киргизскимъ женщинамъ гулять некогда, а потому въ аулѣ днемъ рѣдко слышны разговоры или пѣсни.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ весь день, прерываемый изрѣдка молитвами, которыя совершаютъ только мужчины. Обѣденнаго времени у киргизовъ не полагается, за отсутствіемъ обычая *обѣдать*. Это время сутокъ они проводятъ большей частью въ дорогѣ или перекочевкахъ, и потому привыкли въ продолженіи дня удовлетворять свой голодъ по дорожному, хотя бы и находились на мѣстахъ стоянокъ. Кто захочетъ поѣсть или, вѣрнѣе, заморить голодъ, тотъ самъ угощается въ юртѣ, въ кладовой, гдѣ находится постоянный запасъ разной провизіи: кумысу, айрана, кумысу, бузы и проч.

Киргискій аулъ оживаетъ только къ вечеру, когда скотъ пригоняется домой. Какъ только пригоняютъ барановъ, хозяйка съ дочерью входятъ въ свои стада и на глазъ *опредѣляютъ*, весь ли скотъ дома. Ошибки въ этомъ случаѣ очень рѣдки. Затѣмъ начинаютъ доить овецъ, коровъ, козъ и проч. Сначала подпускаютъ къ матеямъ сосуновъ, для того чтобы они отсосали; послѣ этого, прячась за сосуновъ, идутъ сами киргизки съ божанными подойницами и, быстро оттолкнувъ сосуна, принимаются за доенье. Но молока киргизы получаютъ мало. Даже коровы приносятъ имъ гораздо больше пользы, какъ рабочій и вьючной скотъ. Киргизъ не можетъ не ѣздить верхомъ,—это его привычка, потребность, какъ у осѣдлаго жителя—ходить пѣшкомъ. Поэтому бѣдные киргизы, за неимѣніемъ лошадей, очень часто кочуютъ на коровахъ, ѣздить верхомъ на нихъ и, кромѣ того, питаются ихъ молокомъ. Но при этомъ, разумѣется, самымъ полезнымъ и необходимымъ для кочевника животнымъ остается всетаки овца, которая его кормитъ, одѣваетъ и даетъ матеріалъ для жилища.

По уборкѣ скота, вся семья приступаетъ къ ужину, который состоитъ изъ той же «кужи», иногда съ небольшимъ количествомъ сала. Если при этомъ случится киргизу ѣсть мясо, то онъ тщательно обглаживаетъ каждую косточку, такъ что послѣ киргиза и собакѣ нечѣмъ поживиться. У богатыхъ киргизовъ подается чашка

съ мяснымъ бульономъ; ее подаютъ сначала старшему, и отъ него она обходитъ уже всю собравшуюся публику. Затѣмъ слѣдуютъ кумысъ и айранъ, и наконецъ читается *бата* — пожеланіе хозяину всего хорошаго.

Хотя ужинъ этимъ совершенно заканчивается, но долго еще видны огни чрезъ «тюдюки» и слышны говоръ и пѣсни изъ ауловъ. Во всѣхъ юртахъ ведутся разговоры, рассказываются сказки. Старики, посѣдѣвшіе въ барантахъ, вспоминаютъ о своей молодости и возбуждаютъ духъ дѣтей рассказами о своихъ подвигахъ. Тутъ же поются пѣсни и играютъ въ разные игры, преимущественно въ кости.

Ложатся спать около полуночи. Раньше, чѣмъ хозяйка ляжетъ, она обязана затушить огонь и закрыть тюдюкъ (дымовое отверстіе), чтобы нечистая сила не беспокоила обывателей.

Молодые джигиты уходятъ въ это время въ степь пасти табуны лошадей, которыя на ночь не пригоняются въ аулы. Скотъ же, собравшійся вокругъ юртъ, оберегаютъ ночью дѣвушки, съ помощью собакъ. Киргизка до самой зари выкрикиваетъ пѣсни, чтобъ ими отпугивать отъ стада волковъ, и пужно имѣть большую привычку, чтобы заснуть подъ этотъ крикъ и пѣсни.

Такимъ образомъ, вся тяжесть ежедневныхъ работъ лежитъ у киргизовъ на женщинѣ, всегда грязной и еще болѣе неопрятной, чѣмъ ея мужъ. Киргизка съ дѣтства приучается ѣздить верхомъ на лошади и должна потомъ справлять всю свою жизнь за мужчину всѣ домашнія работы. Вьючить юрты, ставить ихъ, готовить кушанья, кормить дѣтей, доить скотъ и смотрѣть за нимъ, обшивать семью, — все это лежитъ на обязанностяхъ женщины. Киргизы-мужчины ничего недѣлаютъ. Только во время кочевоекъ они отыскиваютъ мѣста для лѣтнихъ, да пасутъ изрѣдка лошадей въ отгонныхъ табунахъ; все же остальное время проводятъ въ *гуляньи* по степи. Проснувшійся мужъ потребуетъ ѣсть; поѣсть — сядетъ на лошадь, возьметъ ястреба или ружье, и отправится на охоту или поѣдетъ къ сосѣду въ

гости. А въ это время, жена, хотя бы и беременная, должна разобратъ юрту, навьючить ее на верблюдовъ, рассадить на вьюки дѣтей, и, прицѣпивъ животныхъ другъ къ другу, кочевать съ этимъ караваномъ на новое мѣсте, гдѣ опять ей же придется развьючить, поставить юрту и приготовить ѣсть проголодавшемуся мужу, который какъ разъ поспѣетъ домой въ тому времени, когда все готово. Переночевавъ, мужъ опять отправляется гулять по степи, въ надеждѣ натолкнуться на какое-нибудь развлеченіе, въ родѣ свадьбы, разбора дѣлъ бѣемъ, поминковъ, драки и т. под. На свадьбѣ онъ посмотритъ на игры, на судѣ онъ послушаетъ, на поминкахъ перепадетъ ему что-нибудь отъ угощеній, а въ дракѣ онъ приметъ чью-нибудь сторону. Или вспомнить онъ какое-нибудь старое дѣло съ товарищемъ, гдѣ послѣ баранты его обдѣлили, и отправится въ бѣю взыскивать недоданное. Однимъ словомъ, киргизъ найдетъ себѣ развлеченіе. Жена же его не можетъ оторваться отъ юрты; уйди она—и все хозяйство киргиза пропало.

Такая жизнь легла тяжелымъ бременемъ на женскую половину киргизскаго народа. Киргизка въ 25 лѣтъ уже старуха. Вообще, она занимаетъ въ жизни кочевниковъ гораздо низшее мѣсто въ сравненіи съ мужчиною. Жена ѣсть отдѣльно отъ мужа, который посылаетъ ей остатки съ своего стола. За убійство женщины «кунъ» платится вдвое менѣе.

Не смотря на это, киргизскія женщины не проводятъ жизни заперти, подобно прочимъ своимъ единовѣрекамъ. Киргизка пользуется полною свободой, не удаляется отъ мужчинъ и не закрываетъ себѣ лица. Цѣны заслуги и познанія женщинъ въ хозяйствѣ, мужчины предоставляютъ имъ главное распоряженіе въ домѣ и очень часто сами прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ. Вслѣдствіе этого, киргизская женщина играетъ большую роль не только какъ полная хозяйка дома, но и какъ членъ общества. На сходбахъ киргизовъ женщины подаютъ голосъ наравнѣ съ мужчинами, въ особенности по вопро-

самъ, касающимся общественныхъ нуждъ. Иногда даже мѣнѣе женщины имѣеть нѣкоторое преимущество надъ мѣнѣе мужчинъ.

Народныя празднества у киргизовъ, исключая религіозныхъ мусульманскихъ праздниковъ, всѣ имѣють основаніе свое въ пастушескомъ кочевомъ бытѣ и довольно многочисленны, такъ какъ у киргизовъ даже важные случаи изъ частной жизни богатаго кочевника празднуются всенародно, цѣлыми родами. Главныя изъ киргизскихъ народныхъ празднествъ справляются ранней весною, по случаю выступленія съ зимовокъ на лѣтовки, и поздней осенью, когда киргизы рѣжутъ скотъ и заготавливаютъ мясо для домашняго обихода на зиму.

Въ день выступленія съ зимовокъ на кочевки, съ восходомъ солнца, всѣ молодые люди аула, нарядившись въ праздничное платье, садятся на лучшихъ коней, выбираютъ молодую, красивѣйшую женщину и вручаютъ ей знамя, состоящее изъ шеста съ привязаннымъ къ нему цвѣтнымъ платкомъ. Женщина или дѣвушка слѣдуетъ съ этимъ знаменемъ верхомъ на лошади, впереди каравана, къ избранному мѣсту кочевки, въ сопровожденіи толпы юношей и дѣвицъ, при пѣсняхъ, скачкахъ и разныхъ играхъ. А за ними тянутся навьюченные верблюды съ юртами и пожитками, и гонятъ стада скота, разсыпаннаго по степнымъ равнинамъ. Достигнувъ мѣста первой лѣтовки, пожилыя киргизки начинаютъ устанавливать юрты, а молодежь снова принимается за скачки, бѣги, борьбу и прочія національныя киргизскія увеселенія, которыя будутъ описаны ниже. Дѣти, въ это время, ходятъ по юртамъ, поздравляя хозяевъ съ наступленіемъ весны, за что имъ даютъ кусочки курту, баранины и другихъ яствъ. Вообще праздникъ этотъ напоминаетъ татарскій «сабанъ».

Поздней осенью, когда киргизы уже возвратились на мѣста зимовокъ, они назначаютъ день, когда рѣжутъ скотъ и приступаютъ къ заготовленію мяса на зиму. Это обстоятельство сопровождается народнымъ празднествомъ, скачками, борьбой и прочими киргизскими увеселеніями. Каждый въ этотъ день зарѣжетъ хоть одного

барана. Вѣдныя, у которыхъ нѣтъ скота, пристроиваются къ богатымъ и всегда получаютъ отъ нихъ небольшія части мяса. Мясо, собранное въ этотъ день, обыкновенно солить, коптятъ, дѣлаютъ изъ него колбасы и проч. Все, заготовленное такимъ образомъ, носить названіе *сулжъ*, часть котораго каждый долженъ отдать султану или манапу. Каждый родъ отбываетъ эту повинность по раскладѣ народомъ на кибитку. Во время лѣтнихъ перекочевокъ, султаны также получаютъ *шйбагу* (вареное мясо) со всѣхъ ауловъ, лежащихъ на пути ихъ перекочевокъ.

Народныя киргизскія празднества сопровождаютъ также, какъ уже было упомянуто выше, всѣ болѣе или менѣе важные случаи изъ частной жизни каждаго киргиза, начиная съ факта его рожденія и кончая похоронами и поминками.

Роды женщины у киргизовъ обставлены варварскими условіями. Киргизка работаетъ до самыхъ родовъ. Въ случаѣ же трудныхъ родовъ, киргизы бросаютъ въ огонь кусокъ бараньяго жиру и, пока онъ горитъ, молятся Богу, чтобы онъ облегчилъ страданія роженицы. Если случается при этомъ обморокъ, то киргизы бьютъ палками сначала по кибиткѣ, гдѣ лежитъ больная, а потомъ ударяютъ нѣсколько разъ ее самою, чтобы выгнать изъ нея *албасты-басу* — злаго духа. Или выбираютъ для этого лошадь съ свѣтлыми глазами, приводятъ ее въ кибитку и наедаютъ мордой въ больную, чтобы напугать этимъ злаго духа. Иногда прибѣгаютъ и къ мусульманскимъ амулеткамъ, т. е. исписаннымъ какой нибудь молитвой изъ корана бумажкамъ, которыя проглатываютъ вмѣстѣ съ водою. Во время самыхъ родовъ, роженицу привѣшиваютъ за мышки къ *тюдюку* (дымовому отверстію) для того, чтобы роды были легче. Всякая старуха считается при этомъ знающей акушеркой.

Если родится мальчикъ, то родители устрояютъ праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь аулъ; праздникъ сопровождается, обыкновенно, скачками, борьбою и прочими киргизскими увеселеніями.

ми. Въ случаѣ же рожденія дѣвочки празднества не бываетъ, такъ какъ, по понятію киргизовъ, дѣвочки не приносятъ счастья въ жизни. «Долго соль не береги, говоритъ киргизская пословица, — обратится въ воду; долго дочь не держи — обратится въ рабыню».

Имя новорожденному даетъ мулла. Прежде ребенокъ получалъ, обыкновенно, языческое имя своего родителя или какого нибудь близкаго родственника, прославившагося храбростью или наѣздничествомъ. Но въ послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться между киргизами имена мусульманскихъ святыхъ, благодаря усилившемуся вліянію мullah.

Новорожденного киргизы купаютъ ежедневно въ соленой водѣ, послѣ чего каждый разъ натираютъ его масломъ или бараньимъ саломъ. Это дѣлается для того, чтобы окрѣпили суставы малютки. Особенно оберегаютъ его отъ дурнаго глаза, и каждая киргизка знаетъ множество средствъ противъ этого. По прошествіи 40 дней, рубашку, которую не снимали съ ребенка съ самаго дня его рожденія, снимаютъ и надѣваютъ на шею собаки для того, чтобы собака, съѣдая жирную, засаленную рубашку, приняла на себя и все будущія болѣзни ребенка.

Не раньше, какъ чрезъ годъ по рожденіи, ребенку брѣютъ голову и обрѣзаютъ ногти. Когда ребенку минуло два-три года, его уже начинаютъ забавлять верховой ѣздой, устраивая для этого на сѣдлахъ удобные ящики, называемые *«културмари»* или *«ачамай»*. Лѣтъ 7 или 12 мальчика обрѣзываютъ, послѣ чего устраивается праздникъ съ неизбежными скачками, борьбою и проч.

Невѣсть для своихъ сыновей киргизы высватываютъ въ то время, когда послѣдніе лежатъ еще въ люлькѣ. Вообще, для киргиза *выборъ свата* гораздо важнѣе, чѣмъ выборъ невѣсты. На ея лѣта и красоту не обращаютъ особеннаго вниманія, лишь бы свать былъ богатъ и хорошъ. При этомъ зажиточный киргизъ старается всегда породниться съ равнымъ себѣ по роду и знатности; напримѣръ, «бѣ-

лая кость» не женится на «черной». Выбравъ себѣ по сердцу киргиза, у котораго есть дочь, киргизъ, отецъ жениха, развѣдываетъ предварительно о его намѣреніяхъ и затѣмъ уже посылаетъ къ нему сватовъ. Чѣмъ богаче отецъ жениха, тѣмъ онъ больше долженъ послать этихъ сватовъ; иногда ихъ отправляется цѣлая свита, чело-вѣкъ изъ 10 или 15-ти.

Отецъ невѣсты принимаетъ ихъ съ нѣкоторой церемоніей, лѣтомъ — въ отдѣльной кибиткѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула, а зимою — въ юртѣ сосѣда, но никогда у себя дома. Этотъ пріѣздъ сватовъ пазывается *кудатусеръ*. Сваты должны условиться съ отцомъ невѣсты о калымѣ.

«Калымъ» (выкупъ жениха за невѣсту) сохранился въ киргизскихъ степяхъ въ первобытномъ видѣ. Цѣна его основана на «кунѣ», на платѣ за убійство женщины.

При заключеніи условія о «калымѣ», лошади очень часто замѣняются баранами и тогда каждая лошадь считается за 6 барановъ. Самое условіе скрѣпляется *батой* (молитвой), т. е. всѣ присутствующіе проводятъ руками по лицу. Иногда «бату» прочитываетъ приглашаемый на этотъ случай мулла.

По заключеніи условія о калымѣ, отецъ невѣсты устроиваетъ для сватовъ праздникъ съ необходимыми скачками, бѣгами и прочими играми, на которыя сходятся его знакомые и родственники, а преимущественно женщины и дѣвушки, наряды съ своими запасами провизіи.

Черезъ нѣсколько времени по приглашенію особыхъ *кудачи-кучи* (сватовъ приглашателей), отправляются къ отцу жениха сваты со стороны отца невѣсты за полученіемъ части условленнаго калыма. Въ день пріѣзда этихъ сватовъ отецъ жениха устраиваетъ имъ праздникъ, но не такой шумный, какъ въ аулѣ отца невѣсты, потому что, какъ говорятъ киргизы, — «невѣста еще у отца». По-

дарки со стороны отца жениха бывают также не очень богаты, такъ какъ ему приходится еще уплачивать часть калама.

Чаще всего случается, что въ этотъ пріѣздъ сватовъ уплата калыма совсѣмъ не производится, такъ какъ отецъ жениха, основываясь на киргизской пословицѣ: «все, что получаешь, есть богатство а все, что отдаешь, есть несчастіе» и ссылаясь на разные неблагопріятныя примѣты, отдѣлывается только тѣмъ, что отдариваетъ сватовъ за подарки его сватамъ.

Обмѣнявшись, такимъ образомъ, подарками, родители спокойно ждутъ, когда ихъ дѣти достигнутъ совершеннолѣтія, т. е. 12—15 лѣтняго возраста. Въ слѣдующую затѣмъ весну, женихъ, въ сопровожденіи человѣкъ 4 или 5 своихъ сверстниковъ, ѣдетъ въ аулъ невѣсты. Онъ везетъ за собою часть калыма и подарки.

Не доѣзжая до аула, гдѣ живетъ его невѣста, женихъ, по крайней мѣрѣ, за четверть версты сходить съ лошади, которую и отправляетъ съ товарищами въ аулъ, самъ же остается въ степи. Товарищи его, объявивъ въ аулѣ о пріѣздѣ жениха, передаютъ лошадь дѣвушкѣ, родной сестрѣ невѣсты или близкой ей родственницѣ, которая въ послѣдствіи получаетъ за это подарокъ отъ жениха, называемый *атъ-байларъ*, т. е. за привязку лошади.

Узнавъ о пріѣздѣ жениха, женщины и дѣвушки аула, исключая близкихъ родственниковъ невѣсты, выѣзжаютъ верхами встрѣчать жениха, захвативъ съ собою съѣстные припасы.

Между тѣмъ, въ аулѣ невѣсты, на значительномъ разстояніи отъ ея юрты, ставятъ для жениха отдѣльный «*кошгъ*», т. е. небольшую походную кибитку. Женщины приводятъ сюда жениха уже послѣ заката солнца, такъ какъ въ аулѣ невѣсты онъ не можетъ показываться днемъ. По понятіямъ киргизовъ, молодой человѣкъ долженъ совѣститься того, что онъ женихъ. Войдя въ свою кибитку, женихъ дѣлаетъ женщинамъ новые подарки — *чатыръ-байгазы*, за приготовленіе кибитки. Въ тотъ же вечеръ онъ посылаетъ отцу невѣсты

за воспитаніе дочери, лучшую изъ своихъ лошадей, а матери, за вскормленіе невѣсты, лучшаго верблюда — *сумъ-аки* (плата за молоко).

Первый входъ жениха въ кибитку невѣсты называется *исыкъ-ачу* — «открыть двери». Войдя въ кибитку, женихъ дѣлаетъ три раза «тажимъ» (поклонъ): первый — умершимъ праотцамъ невѣсты, второй — главѣ дома, третій — матери невѣсты. Затѣмъ женихъ садится у двери, не доходя до очага, подлѣ котораго помѣщается мать невѣсты; она спрашивается у жениха о состояніи его «скота и души», потомъ даетъ ему молока и, съ словами: «дѣти играйте и веселитесь», уходитъ въ свое отдѣленіе за сундуки и тюки. Войдя за занавѣсъ къ своей невѣстѣ, женихъ здоровается съ нею, говоря *исенъ-сычъ* — «здорова-ли?» Невѣста нѣкоторое время должна молчать, чтобы дать случай женщинѣ, находящейся при ней, получить отъ жениха подарокъ, называемый *суйлестру*, т. е. за принужденіе къ отвѣту. Вслѣдъ за тѣмъ другая женщина получаетъ отъ него подарокъ *тюсенъ-саму*, т. е. за приготовленіе постели. Послѣ этого жениха и невѣсту оставляютъ въ покоѣ.

На слѣдующій день женихъ потихоньку уходитъ изъ юрты невѣсты въ свою палатку, но немного спустя, женщины опять приводятъ его въ юрту невѣсты, и такъ продолжается 7 дней.

Возвратившись послѣ этого въ аулъ своего отца, женихъ, чрезъ нѣсколько времени, опять ѣдетъ съ товарищами къ своему будущему тестю за окончательнымъ полученіемъ невѣсты. На этотъ разъ, кромѣ условленной части калыма, женихъ везетъ съ собою кошмы для юрты, лошадь для угощенія и два верблюда: *бикъ-якии* и *якъ-якии*, т. е. по верблуду въ голову поѣзда съ приданнымъ невѣсты и въ заключеніе его. Однако, и въ этотъ пріѣздъ жениху не скоро удастся получить невѣсту. Чтобы подольше попить на его счетъ, свадьбу откладываютъ со дня на день, отговариваясь неготовностью приданаго. Иногда приходится жениху отдуваться своимъ

карманомъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ послѣдній день предъ выдачей невѣсты, назначается свадебный пиръ — *той*. Въ немъ принимаютъ участіе родственники и знакомые жениха и невѣсты. Празднество сопровождается угощеніемъ, пѣснями, скачками, борьбой и прочими увеселеніями. Для пѣсенъ дѣвушки усаживаются полукругомъ, а противъ нихъ становятся джигиты, выбирая каждый ту, которая ему нравится. Сначала поетъ мужчина, восхваляя въ импровизаціи свою возлюбленную. Ему отвѣчаетъ дѣвушка, также импровизируя. Когда одна пара кончитъ, начинается пѣть другая. Гости расходятся поздно ночью. Въ этотъ вечеръ, на невѣсту, выѣсто обычной фески, надѣваютъ женскій головной уборъ — «джав-лукъ».

На утро молодые уѣзжаютъ въ аулъ отца жениха. Ихъ провожаютъ мать и братъ невѣсты. При этомъ невѣста везетъ съ собою приданое, размѣры котораго зависятъ или отъ особаго уговора съ отцемъ жениха, или соотвѣтствуютъ цѣнности калыма, но всегда, впрочемъ, бываютъ меньше послѣдняго.

Пока молодые ѣдутъ съ приданнымъ, отецъ жениха выставляетъ въ своемъ аулѣ богато убранную юрту и готовится встрѣчать гостей. Молодая, войдя въ юрту, беретъ кусокъ сала и бросаетъ въ огонь чтобы онъ ярче горѣлъ; затѣмъ все усаживаются, кромѣ отца жениха, который не долженъ входить въ юрту молодыхъ. Сама молодая помѣщается за занавѣской и принимаетъ отъ родственниковъ и знакомыхъ жениха подарки и сама ихъ отдариваетъ. Послѣ этого гостямъ подаютъ «достарханъ», угощеніе изъ разныхъ сладостей. У дверей юрты рѣжутъ, въ это время, барана, голову котораго вносятъ въ юрту и выбрасываютъ чрезъ «тюдюкъ» (дымовое отверстіе), чтобы дымъ хорошо выходилъ. Въ заключеніе начинается пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе родственники и одноаульцы жениха. Празднество сопровождается неизбѣжными скачками, борьбой, бѣгами

и проч., и продолжается иногда три дня, послѣ чего молодой окончательно поселяется въ кибитѣ своей жены.

Религіозная сторона погребенія у киргизовъ общая для всѣхъ мусульманъ и обусловливается законамъ ислама. Обычная же сторона киргизскихъ похоронъ имѣетъ свои церемоніи.

Какъ только умеръ киргизъ, всѣ родственники выходятъ изъ кибиты и поселяются въ отдѣльной юртѣ. О смерти киргиза извѣщаютъ по всѣмъ сосѣднимъ ауламъ чрезъ нарочныхъ гонцовъ, и всякій обязанъ пріѣхать въ аулъ, гдѣ жилъ умершій, чтобы отдать ему послѣдній долгъ. Для этого въ аулѣ умершаго выставляется особая юрта, куда и кладутъ тѣло покойнаго, предварительно обмывъ его и завернувъ въ бѣлую бязь.

Жены умершаго собираются въ сосѣднюю юрту; онѣ надѣваютъ особый головной уборъ съ чернымъ покрываломъ, обозначающимъ трауръ, и садятся спиной ко входу въ юрту. Тутъ начинается вой со всевозможными причитаньями. Въ знакъ особой печали, вдовы царапаютъ себѣ щеки до крови, что дѣлается очень ловко и безъ малѣйшей жалости къ своей собственной особѣ. Женамъ умершаго помогаютъ въ причитаньяхъ прибывшія женщины съ дѣтьми. Каждая, ни съ кѣмъ не здороваясь, спокойно входитъ въ юрту и тотчасъ присоединяется къ общему вою. Въ то время, когда женщины, въ юртѣ вдовъ, плачутъ и рвутъ себѣ щеки, всѣ прибывшіе мужчины заходятъ въ кибитку, гдѣ лежитъ умершій, и, совершивъ надъ его тѣломъ молитву, молча собираются также въ особую юртѣ. Когда гости собрались и все уже готово къ погребенію, тѣло умершаго кладутъ на чистую кошму и въ сопровожденіи муллы, родственниковъ и знакомыхъ несутъ къ могилѣ. Въ аулѣ остаются только женщины.

Хоронятъ покойниковъ по близости воды, на дорогахъ, для того, чтобы пріатели, родные и почитатели могли чаще имѣть случай исполнить молитву надъ умершимъ. Самое погребеніе совершается по мусульманскому закону. Но въ то время, когда начнутъ зарывать

тѣло умершаго, родственники его, по киргизскому обычаю, принимаются рвать на небольшіе куски заранѣе заготовленные матеріи такъ, чтобы всѣмъ хватило по куску. Какъ только могила зарыта, всѣ садятся вокругъ ея и читаютъ бату, по окончаніи которой сядятъ нѣкоторое время спокойно, въ ожиданіи *джартымыз* — (раздачи кусковъ). Вслѣдъ затѣмъ каждый получаетъ, сообразно его званію и состоянію, извѣстный кусокъ матеріи. Надъ могилой, послѣ этого, ставятъ памятникъ. Бѣдные люди складываютъ просто призму изъ сырца или изъ глины, а богатые ставятъ дорогія постройки изъ жженого кирпича, въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ склеповъ съ отверстіемъ на верху, на подобіе юрты. Съ могилы всѣ ѣдутъ обратно въ аулъ умершаго, гдѣ происходитъ угощеніе. Женщины угощаются отдѣльно; вдовы же не имѣютъ права не только ѣсть, но даже и угощать другихъ, и ѣдятъ только ночью.

Но главная почестъ покойнику отдается въ самый большой киргизскій праздникъ, въ день *аша* — тризны, которая справляется ровно черезъ годъ послѣ смерти.

Все время между смертію и «ашемъ», киргизы употребляютъ на разныя приготовленія къ тризнѣ. Прежде всего, со дня смерти покойнаго, на вибиткѣ его выставляется бѣлый флагъ, если умершій былъ мужчина, и черный, если — женщина, и этотъ флагъ не снимается въ продолженіи всего года. Затѣмъ, всѣмъ любимымъ лошадямъ покойнаго подрѣзываютъ хвосты и пускаютъ на цѣлый годъ въ пастбище, предназначая ихъ на закланіе въ день «аша».

Весь этотъ годъ, до самаго дня «аша», жены покойнаго обязаны поддерживать свои щеки въ окровавленномъ видѣ. Онѣ должны также аккуратно начинать и оканчивать каждый день, въ продолженіи всего года, воемъ и причитаніемъ, въ чемъ имъ всегда находятся усердныя помощницы. Плачъ этотъ имѣетъ характеристическій напѣвъ, такъ что, слыша его, всегда узнаешь, гдѣ живетъ вдова.

Особенно заботятся киргизы объ угощеніи въ день аша. Хлопоты

объ этомъ продолжаются цѣлый годъ, такъ какъ тризна обходится очень дорого и приготовленія къ ней весьма сложны. Хорошій «ашъ» стоитъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей, и на него собирается до 15 тысячъ народа! Чтобы принять, увеселить, а главное — накормить мясомъ всю эту толпу, въ особенности съ такимъ желудкомъ, какъ у киргизовъ, нужно употребить для этого не мало хлопъ и заручиться огромными средствами. Между тѣмъ тризна ней збѣжна. Ею опредѣляется слава умершаго и уваженіе къ нему. О большихъ ашахъ говорятъ нѣсколько лѣтъ, слагаютъ про нихъ пѣсни и вообще прославляютъ умершаго и его родственниковъ. Какъ же уклониться отъ подобной чести, хотя бы и пришлось послѣ этого раззориться? Къ счастью киргизовъ, тризна у нихъ составляетъ, е сли не національное торжество, во всякомъ случаѣ, *родовое празднество*. Поэтому, въ издержкахъ и приготовленіяхъ къ киргизе кому ашу принимаетъ участіе, обыкновенно, весь родъ покойнаго. Каждый родовичъ обязанъ хоть разъ въ годъ посѣтить юрту умершаго для совершенія баты, а главное, долженъ привезти съ собой подарокъ, сообразный съ достоинствомъ умершаго. Не пріѣхать — значитъ нанести кровную обиду всему роду. До исполненія киргизомъ этого обычая, никто изъ родственниковъ покойнаго не можетъ посѣщать его. Если какая нибудь крайность помѣшаетъ быть на батѣ самому, то онъ долженъ послать для этого другаго киргиза и передать черезъ него подарокъ.

Подѣзжая къ аулу умершаго, исправный киргизъ посылаетъ кого-нибудь впередъ извѣстить семейство умершаго, что онъ пріѣхалъ прочесть бату. Одинъ изъ семейства выходитъ встрѣчать пріѣзжаго, а женщины, пріодѣвшись, садятся въ юртѣ, по обѣимъ сторонамъ входа, и начинаютъ плачь, продолжая его до тѣхъ поръ, пока гость не исполнитъ баты и не уговоритъ ихъ замолчать. Послѣ этого, онъ вручаетъ семейству подарокъ, халатъ, кусокъ матеріи, лошадь, корову, верблюда, или барана и т. под. Все это собирается и хранится отдѣльно и должно быть употреблено на предстоящій ашъ.

За мѣсяцъ или за два до аша, родственники умершаго разсылаютъ приглашеніе родамъ, непременно чрезъ ихъ вождей, принять участіе въ тризнѣ. Въ то же время приступаютъ къ выбору мѣста для сбора гостей, сортируютъ скотъ для угощенія и для разныхъ призовъ, опредѣляютъ заранѣе роль каждаго отдѣла и подъ-отдѣленія въ родѣ, а также мѣру и характеръ участія ихъ въ расходахъ на тризну. Затѣмъ приступаютъ къ устройству самаго праздника. На мѣстѣ, избранномъ для отправленія аша, ставятъ почетнымъ гостямъ отдѣльныя юрты, число которыхъ доходитъ иногда до 1000. Остальные же гости должны размѣститься въ кибиткахъ приковавшихся родовъ. При этомъ, для порядка, заранѣе опредѣляютъ: какіе отдѣлы и подъ-отдѣленія какихъ гостей принимаютъ, такъ что уже каждый заранѣе знаетъ свое мѣсто.

Всѣ юрты размѣщаются по огромному кругу. Въ серединѣ ставятъ палатку, гдѣ каждый изъ гостей, въ теченіи аша, обязанъ прочитатъ бату по умершемъ. Невдалекѣ отъ этой палатки, ставятъ другую большую юрту, надъ которой выставляютъ флагъ умершаго и въ которой помѣщается старшая жена покойнаго, съ ея дѣтьми. Она должна выть и причитатъ здѣсь и утромъ, и вечеромъ. По другую сторону молитвенной палатки ставится юрта безъ знамени, для младшихъ женъ покойнаго. Въ обѣихъ этихъ юртахъ поселяются также родственницы женъ, размѣщаясь по родству съ ними. Обыкновенно, обѣ юрты раздѣляются на двѣ половины: открытая предназначена для вдовъ и старыхъ женщинъ, а молодыя и дѣвушки помѣщаются за перегородкой. Женщины живутъ въ этихъ юртахъ во все время аша, занимаются разговорами и помогаютъ вдовамъ причитывать и плакать, когда тѣ устанутъ. Если у умершаго есть взрослая дочь, то она поетъ пѣсню, рассказывая въ ней болѣе замѣчательные случаи изъ жизни умершаго. Мужчины размѣщаются по юртамъ почетныхъ гостей и по кибиткамъ приковавшихся киргизовъ, группируясь по родамъ отдѣламъ и подъ-отдѣленіямъ.

Праздникъ аша продолжается семь дней.

Первые шесть дней, всѣ помѣстившіеся не въ палаткахъ почетныхъ гостей, а въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ, питаются чѣмъ Богъ послалъ. Почетнымъ же гостямъ отпускаютъ для ежедневнаго продовольствія на каждую юрту по два барана въ день. Болѣе почетнымъ присылаютъ, кромѣ того, рису, чаю, орѣховъ, кумысу и проч., одѣляютъ ихъ также кониной, такъ какъ это мясо считается лакомствомъ. Въ послѣдній же день аша, въ счетъ собранныхъ подарковъ продовольствуется уже весь народъ, т. е. не только живущіе въ выставленныхъ юртахъ, но и тѣ, которые живутъ по кибиткамъ прикочевавшихъ ауловъ. Для прокормленія ихъ заготавливаютъ варенное мясо еще до наступленія аша; варятъ мясо въ теченіи нѣсколькихъ дней. Обыкновенно приходится рѣзать 20 — 30 лошадей и до 1000 барановъ. Заготовленное такимъ образомъ мясо сохраняется до седьмага дня аша и роздается наканунѣ, вечеромъ шестаго дня.

Кромѣ угощенія, во время аша каждый день бываютъ какія-нибудь игры, состязанія, скачки, и, наконецъ, въ утро послѣдняго, седьмага дня, ашъ завершается большой скачкой-*байгой*, которая собственно и составляетъ славу тризны. Состязанія, въ теченіи аша, идутъ въ такомъ порядкѣ:

Первый день, обыкновенно, проходитъ въ сборѣ и размѣщеніи гостей.

Во второй день назначается стрѣльба въ ямбу, китайскую монету. Ямба привязывается за три нитки къ верхушкѣ трехъ-саженной мачты. Всадники должны сбить ямбу пулею или стрѣлою на полномъ скаку. Сбившій ямбу, получаетъ ее въ призъ себѣ, при восселищеніяхъ народа.

На третій день устраивается скачка трехъ-лѣтнихъ лошадей (*кунановъ*). Скачутъ дѣти на разстояніи 20-30 верстъ. Призовъ выставляется 9, большею частію мелкихъ; первый призъ состоитъ,

обыкновенно, изъ верблюдовъ; послѣдній—изъ двухгодовалого жеребенка. Въ тотъ же день устраивается *кызъ-качаръ*—скачка за дѣвушкою. Молодые дѣвушки и молодые джигиты собираются группами верхомъ на коняхъ. Одна изъ лучшихъ наѣздницъ выскакиваетъ и мчится впередъ; за нею гонится избранный товарищами лучший джигитъ. Если онъ успѣетъ догнать красавицу, то цѣлуетъ ее, усаживаетъ къ себѣ на лошадь и тихимъ шагомъ возвращается съ нею обратно, при общихъ восторженныхъ привѣтствіяхъ. Если же погоня его не удалась, то дѣвушка, доскакавъ до барьера, быстро поворачиваетъ назадъ, и тогда лихой джигитъ долженъ, въ свою очередь, поскорѣе спастись отъ нея; ловкая наѣздница, догоняя джигита, что есть силы бьетъ его нагайкой, и иногда, при общемъ восторгѣ присутствующихъ, сбиваетъ ему шапку. Послѣ этого, проваливагося джигита прогоняютъ съ поля состязанія нагайками.

Въ четвертый день происходитъ *союшъ*—поединокъ на пикахъ. Для поединка выбираются два ловкіе джигита, непременно изъ различныхъ родовъ и неродственники между собою. Соперники надѣваютъ на себя кольчугу, нѣсколько халатовъ, голову обвязываютъ платками, и, такъ какъ побѣда доставляетъ славу всему роду побѣдителя, то имъ даютъ самыхъ лучшихъ лошадей. Бойцы вооружаются длинными шестами съ тупымъ концомъ. Народъ размѣщается вокругъ, оставляя арену для бойцовъ, которые выѣзжаютъ на нее съ противоположныхъ сторонъ. Цѣль поединка — выбить противника изъ сѣдла; но такъ какъ киргизы всѣ отличные наѣздники, то дѣло это трудное. Поэтому, соперники наравятъ или убить одного другаго, или нанести противнику такой ударъ въ бокъ или лицо, чтобы ему уже нельзя было драться. Если же при этомъ у одного изъ бойцовъ выбьютъ глазъ, то это ничего, дозволяется перевязать глазъ и, если боецъ желаетъ, можетъ снова вступить въ бой. Отказъ въ этомъ равносителенъ пораженію. Ярость и азартъ бойцовъ въ поединкѣ на пикахъ всецѣло сообщаются зрителямъ, страсти родовъ разгораются,

и тутъ достаточно малѣйшаго повода, чтобы вызвать всеобщую свалку въ народѣ. Побѣжденнымъ въ поединкѣ считается только убитый или выбитый изъ сѣдла. Призомъ за такую битву служить 1 верблюдъ и 8 лошадей, но большею частію 2 или 3 верблюда. Въ тотъ же день происходитъ иногда борьба киргизскихъ батырей. Два силача выходятъ въ однихъ шароварахъ, перетянутыхъ кушаками, и измѣривши другъ друга глазами, схватываются. Иногда одинъ удачный пріемъ рѣшаетъ борьбу. Но нерѣдко силы у обоихъ равныя. Поэтому борцы долго ходятъ, перегибая одинъ другаго. Между тѣмъ толпа подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ, гиканьемъ. Тогда-которыйнибудь изъ борцовъ, уловивъ удобную минуту, отбрасываетъ противника въ сторону, или, приподнявъ, осадить такъ крѣпко, что заставить его упасть. Иногда побѣжденный и послѣ этого не сдается, и тогда оба противника валяются по землѣ, повуда который нибудь не осилить.

Въ пятый день происходитъ скачка четырехъ-лѣтнихъ лошадей. Призы небольшіе. Разстояніе до 50 верстъ въ оба конца. Въ тотъ же день повторяется иногда *кызъ-качаръ*—скачка за дѣвушкой.

Шестой день весь проходитъ въ приготовленіяхъ къ большой скачкѣ—«байгъ», и въ назначеніи призовъ, число которыхъ бываетъ обыкновенно 15. Вечеромъ, какъ уже было упомянуто, роздаютъ вареное мясо народу.

Седьмой день составляетъ сущность аша и обходится дороже всѣхъ дней. Въ этотъ день призы назначаются огромные. Иногда одинъ первый призъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: краснаго товару на 100 рублей, 30 верблюдовъ, 100 лошадей, 30 коровъ и 500 барановъ. Нерѣдко для перваго приза выставляется цѣлая юрта, убранная коврами и шелковыми тканями, и при ней 500 буніцъ и 300 лошадей. Бываютъ и такія байги, на которыхъ первый призъ состоитъ изъ 100 верблюдовъ, 100 лошадей, 100 коровъ, 100 барановъ, 100 рублей, 100 кокановъ, 100 аршинъ сукна, 100 ар-

пинъ шай (канауса) и 100 концовъ маты. Слѣдующіе призы изъ числа 15 значительно меньше. Послѣдній призъ составляютъ 2 или 3 лошади. Такая непомѣрная разница между первымъ и прочими призами заставляетъ всѣхъ бить на первенство и прибѣгать съ этой цѣлью ко всевозможнымъ уловкамъ.

Киргизы готовятъ лошадей въ байгѣ 3 и 4 мѣсяца. Все это время ихъ поятъ лошадинымъ молокомъ, кормятъ только овсомъ, туго стягиваютъ животъ, окутываютъ теплой войлочной попоной, чтобы возбудить испарину, и ежедневно, утромъ и вечеромъ дѣлаютъ имъ проѣзды. Для этого мальчики дѣтъ 9—10 скачутъ на нихъ, съ каждымъ днемъ увеличивая разстояніе. Эти же мальчики участвуютъ потомъ и въ самой байгѣ, въ качествѣ наѣздниковъ. Имъ кладутъ, вмѣсто сѣдла однѣ попоны, и чтобы мальчикъ могъ вынести весь карьеръ, его перетягиваютъ кушакомъ крестообразно.

Во избѣжаніе путаницы при раздачѣ призовъ, разстояніе назначаютъ огромное, отъ 80—100 верстъ въ оба конца. При этомъ скачка происходитъ не по кругу, а въ прямомъ направленіи, по степной дорогѣ. Число участвующихъ скакуновъ всегда произвольно.

Скачка верхъ наслажденія для киргиза! Онъ смотритъ на нее съ лихорадочнымъ напряженіемъ. Хозяину также лестно отличиться скакуномъ. Молва о хорошей лошади разносится далеко по степи. Да и по самому свойству киргизскаго быта, бѣгунцы имѣютъ у нихъ важное значеніе и нерѣдко выручаютъ киргиза изъ опасности, спасая ему жизнь. Поэтому понятно то лихорадочное нетерпѣніе, съ какимъ всѣ киргизы ждутъ байги.

Въ назначенный часъ, завѣдующій байгой — «гайдавши», имѣющій при себѣ на всякій случай нѣсколько перемѣнныхъ лошадей и наблюдающій за правильностью скачки, подаетъ сигналъ сбора, разѣзжая передъ зрителями и трубя въ «сурну», деревянную трубу съ рѣзкимъ, невыносимымъ звукомъ. Когда наѣздники собрались, они проѣзжаютъ разъ или два передъ зрителями, которые любятъ

ся сказунами и предсказываютъ имъ успѣхъ или неуспѣхъ, но при этомъ пари никогда не держатъ. Затѣмъ по знаку «гайдавши», всѣ бѣгунцы крупной рысью отправляются до заранѣе выбраннаго мѣста, съ котораго долженъ начаться бѣгъ. Мѣсто это назначается въ разстояніи 40 — 50 верстъ, такъ что лошадямъ приходится пробѣжать въ одинъ пріемъ, туда и обратно, отъ 80 — 100 верстъ! Достигнувъ назначеннаго мѣста «гайдавши» устанавливаетъ бѣгунцовъ рядомъ и наблюдаетъ, чтобы не выѣхалъ кто-нибудь впередъ; затѣмъ пускаютъ всѣхъ бѣгунцовъ разомъ...

Едва только завидитъ толпа мчащихся всадниковъ, какъ приходитъ просто въ изступленіе! Крики или, лучше сказать ревъ оглушительный наполняетъ воздухъ и разносится далеко по степи!

Но при всей замѣчательной выносливости и неутомимости киргизскихъ лошадей, только немногіе сказуны могутъ выдержать эту необычайно дикую скачку на такомъ огромномъ разстояніи. Большая часть лошадей гибнетъ, не проскакавъ и половины разстоянія до флага. А если которыя и приходятъ, то лучшія только легкой рысью, а прочія — шагомъ. Случается, что наѣзники идутъ пѣшкомъ и погоняютъ лошадь, лишь бы она добрела до цѣли... Можетъ быть ни одна лошадь и не доскакала бы до нея, если бы, по киргизскому обыновенію, имъ не помогли и не дотанчили до флага. Чтобы выиграть первый призъ, киргизы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, даже къ насилію. Особенно популярнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ считается *кутерьма*. Человѣкъ 20 родственниковъ хозяина лошади выѣзжаютъ верхомъ на встрѣчу ей, верстъ за 20 — 30 отъ флага, и, выждавъ своего протеже, на всемъ скаку снимаютъ съ него мальчика, чтобы облегчить лошадь; затѣмъ человѣкъ пять подхватываетъ ее за *чумбуры* (арканы), и, скача впереди, тянутъ ее за собою, а остальные родственники, слѣдуя съ боку, попускаютъ лошадь впередъ крикомъ, визгомъ и нагайками. Такимъ образомъ, въ скачекѣ, мало по малу, принимаетъ участіе почти весь

собравшійся народъ; одни скачутъ, чтобы помочь лошади дотащить-ся до мѣста, другіе это дѣлаютъ изъ любопытства, и какъ тѣ, такъ и другіе сопровождаютъ скачку пронзительнымъ крикомъ, визгомъ гиканьемъ, гамомъ...

Если впереди скачетъ одна лошадь, безъ этихъ провожатыхъ, то ее, не стѣнясь, останавливаютъ, мальчика сбиваютъ, а иногда даже убиваютъ.... Однимъ словомъ, принимаются всѣ мѣры, законныя и незаконныя, чтобы только выиграть первый призъ! За то многія изъ доскакавшихъ до флага лошадей падаютъ тутъ же, другія едва волочатъ ноги... По обычаю, существовавшему до занятія края русскими, было принято давать призъ, даже если лошадь сама и не дошла до флага, а привезли ее голову...

Этой скачкой завершается ашъ, и гости уже прямо ѣдутъ по домамъ, не заѣзжая въ юрты. Случается, что наслѣдники покойнаго, воздавъ ему честь, возвращаются домой нищими.

Музыка киргизовъ почти вся заключается въ «сурнѣ», деревянной трубѣ, имѣющей величину и форму кларнета, въ узкій конецъ которой вставляется гусиное перо. Этотъ инструментъ, издающій пронзительный звукъ, употребляется по большей части въ дорогѣ; кромѣ того есть струнный инструментъ, въ родѣ нашей балалайки. На войнѣ и барантѣ «сурна» замѣняетъ сигнальный рожокъ. Богатые киргизы непременно имѣютъ каждый своего *сурнайчи*, который разгоняетъ ихъ думы, наигрывая пѣсни о славныхъ подвигахъ ихъ самихъ и ихъ предковъ.

Пѣсни киргизскія, распѣваемые чрезвычайно монотоннымъ и то-скливымъ голосомъ, состоятъ обыкновенно изъ импровизацій, въ которыхъ разсказывается о подвигахъ батырей, о взаимныхъ расприхъ киргизскихъ племенъ и родовъ, о свободѣ, о завоеваніяхъ русскихъ и т. под.

СРЕДНЕАЗІАТСКІЕ НАРОДЫ.

Оканчивая этнографическіе очерки народовъ Россіи, нельзя не сказать нѣсколько словъ о тѣхъ среднеазіатскихъ народахъ, которые нынѣ, при движеніи Россіи въ глубь Средней Азіи, дѣлаются нашими непосредственными сосѣдями и частью составляютъ подданныхъ нашего Туркестанскаго края.

Бухара и Хива суть два главные центра гдѣ группируются эти народы, составъ которыхъ весьма разнообразенъ. Населеніе этихъ двухъ ханствъ самое смѣшанное и состоитъ главнымъ образомъ изъ киргизъ, персіанъ, туркменъ, сартовъ или таджиковъ и узбѣковъ. Мы остановимся только на двухъ послѣднихъ типахъ.

XXXIII. Т А Д Ж И К И.

Таджики, живущіе у насъ, сосредоточены главнымъ образомъ въ Заравшанскомъ округѣ; о нихъ то мы и будемъ говорить.

Таджики имѣютъ три названія: общее — «таджикъ», частное для выходцевъ изъ Мерва — «таджъ» и бранное «сартъ», или «сасыкъ-сартъ».

Названіе таджикъ туземцы производятъ отъ *таджъ* и *ми*, т. е. коронованный; слѣдовательно это названіе они получили еще въ отдаленныя времена, когда ихъ цари носили *корону*. Туркмены называютъ таджиковъ *таджъ*.

Объясненія туземцевъ слова «сартъ» состоятъ изъ уподобленій сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусъ, барышникъ и проч. «Сасыкъ-сартъ» (тухлый сартъ) кричитъ каракалпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣзтники, подскакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богатъ ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: «таджикъ-сартъ», при чемъ слово сартъ выговорить съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: «таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ — когда бранимъ его».

Городъ есть настоящее мѣсто жительства таджика, и только въ городѣ таджикъ въ своей сферѣ. Это стремленіе таджиковъ къ торговымъ и промышленнымъ центрамъ вытекаетъ изъ склада ихъ характера, изъ природной ихъ любви къ торговлѣ, мелкому барышничеству, къ суетливой жизни. Но если таджикъ по своей натурѣ горожанинъ и стремится поселиться въ городахъ, то съ другой стороны ему въ этомъ часто мѣшаютъ чисто физическія условія: недостатокъ мѣстъ внутри городовъ и сплоченность узбекскаго населенія кругомъ городскихъ стѣнъ — извнѣ. Эти условія привели къ тому, что азіятскіе города застроены весьма тѣсно, такъ что домъ давитъ домъ и даже при весьма плохихъ строительныхъ матеріалахъ дома вырастаютъ двухъ этажные, дворы бываютъ самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, а о площадяхъ — и помину нѣтъ! Если смотрѣть на азіятскій городъ сверху, то кажется, что плоскія крыши его строеній сливаются, примыкаютъ одна къ другой, образуютъ одну сплошную крышу города. Окончательный недостатокъ мѣстъ

для построекъ въ городѣ заставляють таджиковъ, помимо ихъ собственнаго желанія, селиться въ кишлакахъ и въ этомъ случаѣ они избирають для своихъ поселеній мѣста ближайшія къ городамъ, большимъ караваннымъ дорогамъ и базарнымъ мѣстамъ или крѣпостцамъ, имѣя въ виду, при первой представившейся возможности переселиться въ городъ или его предмѣстье.

Таджики одинаковы только по своимъ духовнымъ качествамъ. Туземцы говорятъ совершенно вѣрно: *«всякій городъ имѣетъ своихъ таджиковъ»*. Понятіе, что каждый городъ имѣетъ своихъ таджиковъ, такъ вкоренилось въ нихъ, что они всегда называютъ себя по городамъ. Если спросить узбека: кто онъ такой, то онъ отвѣтитъ: я узбекъ, ктай, катаганъ и т. п. Таджикъ же на такой вопросъ скажетъ: я бухарецъ, ташкентецъ, ходжентецъ, самаркандецъ и проч., но не скажетъ или въ рѣдкихъ случаяхъ скажетъ: я таджикъ. Въ Средней Азіи принято, ввелось въ обычай, что если кто называетъ себя по имени города, то онъ таджикъ.

Таджики Заравшанской долины не выражаютъ собою какой нибудь установившійся типъ. Племя таджикское, если можно такъ выразиться, безлично, или лучше сказать, замѣтно выражаетъ въ себѣ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ округъ, такъ что сказать: типъ таджика такой-то, нѣтъ никакой возможности. Помѣсь, называемая таджиками, отражаетъ въ себѣ типы: узбекскій, татарскій, еврейскій, цыганскій, даже славянскій, арабскій, персидскій, индійскій и у нея только одно общее—это духовная сторона: къ какому бы племени ни относился таджикъ по лицу, онъ всегда и прежде всего торговецъ, легковѣрный и въ извѣстныхъ положеніяхъ—трусъ. Въ Заравшанскомъ округѣ очень много пришлыхъ таджиковъ изъ Ташкента, Ходжента, Кокана, Маргелана, Андиждана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать почти изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи стекались таджики при заселеніи округа послѣ послѣдней катastroфы (120 лѣтъ тому назадъ случившейся). Всѣ эти пришлые,

имѣя свои типичныя отпечатки, столкнувшись въ округѣ, перемѣшались между собою и еще болѣе усложнили теперешній типъ таджика. Онъ не поддается обрисовкѣ нѣсколькими чертами, а иногда и совершенно въ нихъ теряется.

Однако, не смотря на все вышесказанное, при достаточно внимательномъ наблюденіи таджиковъ долины округа, они могутъ быть отнесены къ двумъ, весьма характернымъ группамъ. Въ одной изъ нихъ преобладаетъ кровь узбекская; въ другой кровь остальныхъ народностей Средней Азіи. Таджики второй группы — цвѣтъ населенія округа; по лицу и вообще по всему тѣлосложенію, а также и по уму они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ его народностей. Въ ней преобладаютъ люди съ нѣжными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкаго, граціознаго, но не сильнаго тѣлосложенія; съ цвѣтомъ лица бѣлымъ, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ смугловатости; съ глазами большими, продолговатаго разрѣза, черными и только весьма рѣдко голубыми. Волосы у нихъ по преимуществу черныя, но встрѣчаются, хотя и весьма рѣдко, рыжіе (навѣрно помѣсь съ евреями или казанскимъ татаринѣмъ). Ихъ брови бываютъ прямыя, точно подведенныя. Борода густая, формы отъ овладистой до того, что называется блинѣмъ. Что касается до формы носа, то онъ лучше всего даетъ понятіе къ какой помѣси, европейской, авганской и проч., принадлежитъ таджикъ и переходитъ отъ чисто орлинаго до формы носа, о которомъ говорятъ, что онъ «топоромъ».

Еврейскія и персидскія черты преобладаютъ въ этой группѣ, особенно въ Самаркандѣ, такъ какъ въ Самаркандѣ много евреевъ и персіанъ, съ которыми таджики весьма охотно вступаютъ въ бракъ. Кромѣ того, молодые евреи, вслѣдствіе особыхъ причинъ, въ прежнее время добровольно или по принужденію, обращались въ мусульманство, причисляя себя къ таджикскому племени: еврей мусульманинъ самъ себя называетъ таджикѣмъ; также называютъ его и прочіе мусульмане.

Совершенно не то мы видимъ въ первой группѣ. Членовъ ея составляютъ по преимуществу таджики деревень, окруженныхъ узбекскими деревнями. Эти таджики вполне поглощены узбекской средой; они слились съ узбеками земледѣльцами и главнымъ занятіемъ самихъ ихъ служить земледѣліе; первый беретъ себѣ въ жены дочь втораго и обратно. Языкъ персидскій, какъ росеешь при подобной обстановкѣ, почти совершенно изгнанъ изъ семействъ таджиковъ этой группы.

Бровь монгольская, какъ кровь сильнѣйшаго народа, стала на столько преобладающей надъ арійской въ этой группѣ, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика отъ узбека. Однако на сколько бы ни *обузбечился*, если можно такъ выразиться, таджикъ, ни одинъ родъ, ни одно отдѣленіе узбековъ не признаетъ его за своего, за узбека, но всегда отличить его названіемъ таджикъ, а подъ худую руку—сартъ. Утеравъ свой арійскій складъ лица, таджики деревень удержали нѣкоторые изъ обычаевъ и занятій, свойственныхъ всѣмъ вообще таджикамъ и охоту къ торговашеству. Узбекъ при первой возможности обзаведется скотомъ, перейдетъ въ степь къ своимъ родичамъ и будетъ кочевать. Таджикъ узбекъ, скопивъ деньги, въ болѣе части случаевъ, дѣлается джальябъ-сатаронъ (перекупщикомъ, кулакомъ), а потомъ и саудагаромъ (купцомъ); приобрѣтетъ въ городѣ или городскомъ предмѣстьѣ лавчонку и приобщитъ къ своему имени эпитетъ «бай» (богатый, значительный).

Узбекъ не охотно тѣетъ; онъ выдѣлываетъ мату, бузь, и рѣдко — алачу. Таджикъ узбекъ мату и бузь почти не тѣетъ; онъ берется за выдѣлку болѣе цѣнныхъ матерій, требующихъ большаго искусства; онъ производитъ: адрысь, аладу, каламу и хосу хорошаго достоинства. Первый, говоря вообще, не любитъ пляску бачей; второй, и съ лицомъ узбека, поклонникъ базымовъ и бачей. Точно также узбекъ не любитъ муллъ и не посылаетъ—развѣ при исключитель-

ныхъ обстоятельствахъ—своихъ сыновей въ медресе. Для таджика-узбека мулла всегдашняя мечта, онъ на муллу смотритъ какъ на саудагара своего рода, и очень хорошо понимаетъ, что съ этимъ званіемъ связано тунеядство, зашибаніе ни за что денегъ, а потому при первой возможности отсылаетъ своего сына въ медресе.

Таджики принадлежатъ къ сунитскому толку, къ которому по крайней мѣрѣ официально, принадлежитъ вообще все населеніе округа, исключая евреевъ.

Среднеазіяты, чѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе фанатичны и тѣмъ менѣе понимаютъ истинное значеніе религіи. Смыслъ названія «ученый среднеазіятецъ» будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ. Также слѣдуетъ разъяснить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ «фанатизмъ» въ примѣненіи къ среднеазіятцу. Ошибется тотъ, кто выраженіе: религіозный *«фанатизмъ среднеазіятца»* пойметъ въ обыкновенномъ, принятомъ всѣми значеніи. Фанатизмъ, какъ безкорыстная религіозная ненависть къ другому исповѣданію и строгое послѣдованіе своему изъ одного принципа, если и присущъ нѣкоторымъ мусульманамъ округа, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; такія osoby и вообще во всѣхъ странахъ составляютъ рѣдкость; тѣмъ болѣе въ Средней Азій. Вообще же таджикъ только кажется фанатикомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было поставить себя на ту точку, въ глазахъ другихъ, съ которой уже легко будетъ ему достигнуть доходнаго мѣста и эксплуатировать грубость и невѣжество толпы. Для такихъ таджиковъ религія и деньги—синонимы. Они только надѣваютъ на себя маску фанатизма, но даже сами не вѣрятъ, чтобы они и въ заправду могли быть фанатиками; вѣрнѣе сказать, они не понимаютъ фанатическаго состоянія человѣка. Бывшій рьяный антагонистъ русскихъ во имя вѣры, получивъ отъ нихъ доходное мѣсто или подачку деньгами, становится ихъ защитникомъ передъ другими одинаковыми съ нимъ фанатиками. Онъ разъясняетъ имъ въ чемъ *суть дѣла*, а они съ своей стороны хорошо его понимаютъ и

начинають запискивать расположеніе *нестырныхъ*, чтобы тоже не упустить возможности чѣмъ нибудь отъ нихъ попользоваться.

Въ округѣ религіозность есть профессія; чистое поклоненіе идеямъ Магомета не существуетъ въ массѣ, муллы же, казіи, богачи и монахи смотрятъ на религіозность, какъ на средство къ обогащенію. пріобрѣтенію почета, а потому исполняютъ требованія своей вѣры исключительно наружно, на показъ другимъ—передъ толпой. Истинно-правовѣрный всегда стужбѣтъ выбрать мѣсто для молитвы и исполненія религіозныхъ обрядовъ посреди народа. Чѣмъ моднѣе мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать намазъ. Мусульмане такое поведеніе молящихся объясняютъ подаваніемъ примѣра другимъ. Такое объясненіе при всей несостоятельности самого принципа, могло бы быть вѣрно, если бы усердный богомолецъ, стоящій передъ толпой, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, если бы онъ заранѣе не зналъ, что его ханжество доставить ему почетъ, мѣсто, вѣсь его мнѣніямъ и тому подобныя выгоды, и если бы онъ также усердно молился и безъ свидѣтелей. А онъ все это знаетъ и внѣ толпы забываетъ о молитвѣ, если же и совершаетъ ее, то какъ скучную обязанность, спѣша сократить трату на нее времени...

Масса таджикскаго народа не религіозна; она равнодушно относится къ постановленіямъ своей религіи, избѣгаетъ намазовъ, хожденія въ мечеть, если видитъ, что отъ такого образа дѣйствія не пострадаетъ матеріально.

Но если толпа отличается такими, нерелигіозными наклонностями въ своей совокупности, если эти наклонности находятся въ ней, какъ присущія массѣ, то, съ другой стороны, эта же самая толпа требуетъ отъ каждаго своего члена порознь полной религіозности и не терпитъ отъ нихъ никакихъ упущеній въ отношенія вѣры. Масса не прочь увлониться отъ хожденія въ мечеть (что уже доказывается, помимо прямаго наблюденія, существованіемъ райсовъ), не посылать

своихъ дѣтей въ махтабъ-хана, имѣть противузаконную связь съ женой своего сосѣда или бачою, не совершать омовенія и проч. Но если одинъ изъ ея членовъ попался въ одномъ изъ подобныхъ проступковъ и наказанъ за него, то вся масса будетъ указывать на виновнаго пальцами, считать самымъ негоднымъ своимъ членомъ, невѣрнымъ. Попался—слѣдовательно виновенъ; тайна, лицемѣріе въ большомъ ходу у туземцевъ. Имамы рассказываютъ слѣдующее: «до прихода русскихъ, когда существовала должность райса, въ мечеть ходило изъ 30 прихожанъ 15—20; съ занятіемъ же округа русскими и съ уничтоженіемъ райсовъ, изъ такого же числа прихожанъ являются въ мечеть на молитву 5 или много—много 10, и то исключительно старики. Духовно-полицейская власть уничтожилась—прекратилось и хожденіе въ мечеть.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ уменьшеніи учениковъ въ махтабъ-хана, а извѣстно, что обученіе дѣтей у мусульманъ признается дѣломъ религіи. Теперь уже, говорятъ жители, можно не посылать дѣтей въ школу, не тратиться на ихъ обученіе.

На духовенство таджикъ смотритъ, какъ на людей, живущихъ его трудомъ, обзываетъ его неприличными именами, но въ присутствіи духовныхъ лицъ показываетъ по большей части глубокое къ нимъ уваженіе.

По базарамъ шляются проповѣдники, ораторы; они рассказываютъ передъ народомъ исторіи про святыхъ, про разныя ихъ чудеса, совершаемыя этими святыми даже въ настоящее время, и проч. Между подобными проповѣдниками есть обладающіе увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Но для таджика совершенно все равно, какъ бы рассказчики ни говорили: хорошо ли, дурно ли,—а всегда наберется вокругъ его значительная толпа. Въ кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживаетъ рассказчикъ, иногда съ плачемъ рассказывая что нибудь очень трогательное изъ жизни святаго. Таджики слушаютъ. внимательно смотреть на жестикуляцію рассказчика, но

какъ только дѣло приходитъ къ концу, толпа рѣдѣетъ, и рассказчику зачастую приходится конецъ передать пустому пространству.

Дѣло въ томъ, что проповѣдники—о чемъ народъ хорошо знаетъ—оканчиваютъ свой рассказъ или проповѣдь обращеніемъ къ карману слушателей, что не по душѣ таджикамъ; они слушаютъ рассказчика—это правда, но смотрятъ на него, какъ на гаера, помогающаго имъ веселѣе и бесплатно убивать свободное время.

Особенно таджики не любятъ монаховъ, мюридовъ и ихъ главу ишана. Тѣмъ не менѣе и чернь, и муллы, и кушцы жаждаютъ выразить ишану публично свое расположеніе и преданность. Поклониться ишану, услышать отъ него привѣтъ себѣ при другихъ, считается верхою благополучія для правовѣрнаго.

Когда до взятія Самарканда ученики медресе (муллы) и духовенство подыали крики, призывая народъ вступить съ кафирами русскими въ священную борьбу, начали подстрекать самаркандцевъ, слѣдовательно, по преимуществу, таджиковъ, къ поголовному вооруженію, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ священный пылъ духовенства. Сарбазы перекололи на дворѣ медресе Тилла-Бары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними и кричалъ: «наши муллы хотѣли сдѣлаться сильными». По азіатски быть сильнымъ и грабить, почти синонимы.

Самыя священныя мѣста Самарканда и его окрестностей находятся въ невообразимомъ запущеніи. О благолѣпіи ихъ никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина мѣсто, сами мусульмане смотрятъ, какъ на статью дохода. У гробницъ святыхъ до тѣхъ поръ только живутъ его потомки или монахи, пока она приноситъ прибыль, привлекаетъ поклонниковъ; исчезнетъ доходъ—исчезли и охранители гробницы.

Деньги, жертвуемыя на исправленіе и поддержку замѣчательныхъ мѣстъ, идутъ въ карманы тѣхъ, кому ихъ дали. Ходжа-Ахраръ

(мечеть и медресе) по общему увѣренію мусульманскихъ ученыхъ округа, владѣла святынею, кораномъ Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитаго въ то время, когда онъ читалъ этотъ коранъ. Преданію нельзя вѣрить *). Но невѣримъ мы европейцы, мусульмане же не имѣютъ и тѣни сомнѣнія въ подлинности и священности ходжа-ахрарскаго корана. И тѣмъ не менѣе муллы этого медресе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще въ придачу къ нему (100 руб. даже показалось имъ очень большою платою за коранъ Османа) дали другой, небольшой коранъ, написанный тоже куфическими буквами и на кожѣ газели.

Самаркандцы считаютъ на своихъ кладбищахъ болѣе 6000 святыхъ; однако ничего у нихъ не содержится въ такомъ запустѣніи, такъ небрежно, какъ наполненныя прахомъ святыхъ кладбища; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посѣщаются съ религіозною цѣлью.

Г. Гребенкину, у котораго мы заимствуемъ это описаніе, приходилось слышать слѣдующее разсужденіе таджиковъ: «вы русскіе, сильнѣе насъ и если бы приказали намъ перемѣнить вѣру, то мы должны были бы исполнить ваше приказаніе. Мусульманство между нами введено тоже силой. Нашъ народъ податливъ; развѣ муллы не были бы согласны на перемѣну вѣры; на то они много учились, мусульманство даетъ имъ хлѣбъ. Но вы оставили намъ нашу вѣру и за это мы вамъ благодарны».

Всѣ роды дѣятельности, имѣющіе мѣсто въ округѣ, не только знакомы таджикамъ, но, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ нихъ лучшихъ представителей, а по нѣкоторымъ изъ своихъ отраслей вмѣстѣ съ тѣмъ и единственныхъ. Мы разберемъ таджика какъ земледѣльца, ремесленника, торговца и ученаго.

Таджики, будучи разбросаны по различнымъ мѣстностямъ округа,

*) На коранѣ впрочемъ видно что-то похожее на лѣдмеркови.

занимаются всѣми отраслями земледѣлія: они хлѣбопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они, при первой выдавшейся возможности, только предприниматели, затрачивающіе капиталъ, а не непосредственные дѣятели и не работники. Они знаютъ матеріальную выгоду владѣнія землею и занятіе земледѣліемъ, но сосредоточивать свои силы исключительно на немъ, видѣть все свое богатство только въ землѣ—несообразно съ ихъ натурой, требующей большого круга дѣятельности и обладающей разносторонними способностями. Трудъ пахаря не подѣ силу горожанину, да и таджикъ деревни не всегда самъ пашетъ.

Имѣя возможность дешево пріобрѣсть работника изъ узбековъ, таджикъ всю тягость полевыхъ работъ сваливаетъ на него и на женъ, а самъ руководить ими и занимается посторонними дѣлами. Самъ таджикъ обрабатываетъ землю только въ крайнемъ случаѣ, когда у него мало земли. Между ними тоже есть безземельные, но мы не знаемъ примѣра, чтобы таковые таджики нанимались для земляныхъ работъ: они обыкновенно дѣлаются садовниками, конюхами, водовозами, прикащиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, съ основнымъ капиталомъ въ рубль или два.

Въ Средней Азіи вообще нѣтъ фабрикъ и заводовъ, нѣтъ мастерскихъ на широкую ногу, съ затратою большого капитала на постройку зданія, пріобрѣтеніе машинъ и наемъ управляющихъ и т. п. Здѣсь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно, микроскопическими размѣрами, разбивается по рукамъ, не сгруппировывается въ одно мѣсто.

Большая часть ремеслъ округа сосредоточивается въ рукахъ таджиковъ: они имѣютъ въ своихъ мастерскихъ больше рабочихъ и больше машинъ, нежели другіе народцы; кромѣ того они не имѣютъ, по нѣкоторымъ ремесламъ, не только соперниковъ, но и подражателей изъ другихъ народностей. Какъ ремесленники, таджики выказываютъ себя положительно способнымъ народомъ и, что весьма

важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе приемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ.

Если дать таджику *устъ* (мастеръ) образецъ извѣстному ремеслу, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на іоту не отойдетъ отъ образца. Таджики перемѣняетъ инструменты, манеру работы, въ немъ не замѣтна жилка рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего. Простой деревянный шкафъ изъ тополевого дерева, заказанный русскимъ мастеромъ Самарганда, стоитъ 30—35 руб. Такой-же точно шкафъ, и даже болѣе добросовѣстно и скорѣе сдѣланный, у таджикскихъ мастеровыхъ обойдется отъ 15 до 20 а иногда и дешевле.

Таджики занимаются: вышиваніемъ по различнымъ матеріямъ и по кожѣ, шитьемъ платьевъ, туземной, а въ послѣднее время и европейской обуви; выдѣлкой кожъ, производствомъ сѣделъ, свѣчъ и мыла, шорнымъ мастерствомъ, литьемъ вещей изъ чугуна *); кузнечнымъ, золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ мастерствомъ; плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и проч.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ работъ они производятъ на базарѣ, въ открытыхъ своихъ лавкахъ, другія въ домахъ. За работу они берутъ весьма мало.

Уже нѣсколько разъ мы упоминали, что таджикъ, по своей натурѣ, весьма склоненъ къ торговой дѣятельности. Онъ никогда не пропуститъ случая даже на время быть торговцемъ, хотя бы самымъ мизернымъ, такимъ, какой нигдѣ немислимъ, грошъ Средней Азіи. Купить, что называется, на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть съ своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣскольку чепъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджи-

*) Литье колокола (въ Катин-Курганѣ), плиты и проч.

ба, котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ! Жена и дѣти его сидятъ безъ куса хлѣба, работаютъ на сколько хватаетъ человѣческихъ силъ, а мужъ или отецъ весь заработокъ беретъ себѣ, прикупаетъ на него товару и еще съ большимъ наслажденіемъ сидитъ надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ или вѣрнѣе — торгашемъ, торговля дѣлается уже его маніей, а прибыли и увеличеніе товаровъ — исходной точкой всѣхъ его помысловъ. Онъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, чека за чекой сколачиваетъ деньги (20 к.) пускаетъ ихъ въ оборотъ, отказывая себѣ совершенно во всемъ, самомъ необходимомъ. Свой трудъ онъ ставитъ ни во что. Онъ переходитъ съ базара на базаръ, странствуетъ по всему округу, скупаетъ на деревенскихъ базарахъ или мѣняетъ на свой товаръ куръ, лица, деревянные ложки, нитки и проч., чтобы съ барышемъ на чеку или на двѣ перепродать все это на городскомъ базарѣ. Беретъ въ долгъ за проценты товары въ городахъ, а на деревенскихъ базарахъ перепродаетъ ихъ иногда дешевле того, за сколько самъ взялъ. Но за то на вырученныя деньги онъ на этихъ базарахъ скупаетъ по дешевымъ цѣнамъ арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городскомъ базарѣ выручить плату за забранный въ долгъ товаръ и еще получить барышъ.

Такъ или иначе изворачиваясь, не жалѣя себя, иногда голодая, таджикъ пробавляется съ году на годъ; изъ копѣекъ дѣлаетъ рубли, при счастіи открываетъ свою лавочку, а не то — становится джаллапъ-сатаромъ отъ значительныхъ городскихъ купцовъ; ему вѣрятъ товару на двѣсти—пятьсотъ рублей. Онъ уже носить товаръ не на себѣ, а навьючиваетъ его на лошадь и уже не ходитъ, а развѣжаетъ по базарамъ округа, а съ теченіемъ времени, сколотивъ капиталъ, прибавляетъ къ своему имени эпитетъ *бай* (богатый) и дѣлается настоящимъ купцомъ.

Большинство купцовъ округа прошли по описанной дорогѣ. Многіе изъ одержимыхъ манією быть купцомъ кончаютъ свой вѣкъ не

достигнувъ заavidнаго положенія «бая»; многіе отъ усиленнаго желанія поскорѣе разбогатѣть и отъ рискованныхъ промѣловъ раззоряются въ конецъ; ихъ мѣста занимаютъ другіе, а они обращаются въ водоносовъ, мардекеровъ (работниковъ) и проч., съ затаенною мыслию опять когда нибудь быть торговашемъ.

Отличительный характеръ торговли таджиковъ — довольство весьма незначительнымъ процентомъ прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствіе большихъ складовъ для товаровъ.

Купецъ-таджикъ не столько заботится о высокихъ процентахъ, сколько о быстротѣ оборота капитала; въ теченіи года онъ сумѣетъ обернуть его разъ десять и даже больше.

Натура таджика при всѣхъ поименованныхъ родахъ дѣятельности выказываетъ себя подвижной, сангвинической, суетливой и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ случаяхъ лѣнливой, беззаботной; обѣ крайности въ ней уживаются какъ нельзя лучше. Вотъ почему о таджикахъ составились два совершенно различныя мнѣнія между русскими Туркестанскаго края; одни говорятъ: таджикъ лѣнивъ, другіе — что онъ до крайности дѣятеленъ. Одни говорятъ о немъ, какъ о поклонникѣ всякихъ удовольствій и забавъ, другіе, какъ о человѣкѣ скупомъ, вполне преданномъ расчету, дѣлу. Какъ объяснить происхожденіе этой видимой разногласицы въ мнѣніяхъ о таджикахъ?

Когда таджикъ не имѣетъ извѣстнаго занятія, не получилъ товаръ, не устроился въ томъ или другомъ отношеніи, когда онъ старается, напримѣръ, что-либо пріобрѣсть, тогда онъ весь движеніе, весь упорная настойчивость; онъ не чувствуетъ ни усталы, ни жары, ни холода, и — что особенно странно — онъ дѣлается безстрашнымъ, дѣйствуетъ, что называется, очертя голову. Онъ пѣшкомъ или верхомъ переходитъ изъ города въ городъ, изъ кишлака въ кишлакъ, имѣя въ виду только ту цѣль, которою онъ задался.

Но вотъ цѣль достигнута; деньги пріобрѣтены, товаръ купленъ, сложенъ въ лавченку, осталось продать его. Тутъ таджикъ превра-

щается въ лѣниваго, неподвижнаго, совершенно апатичнаго человѣка. Съ утра и до вечера онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ въ своей лавченкѣ; безстрастно встрѣчаетъ и провожаетъ своихъ покупателей; глаза у него, когда нѣтъ этихъ покупателей, безцѣльно устремлены куда-то; онъ бессмысленно смотритъ въ пространство, онъ скорѣе въ такія минуты похожъ на истукана, нежели на живаго человѣка....

Таджикъ, апатично сидящій въ лавкѣ, рабочій, гуляющій безцѣльно по улицамъ, наводятъ русскихъ на мысль, что таджикъ по природѣ своей лѣнивъ. Они видятъ часы его отдыха, наблюдаютъ его въ то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорить: таджикъ апатиченъ, чего никогда не скажетъ тотъ, кто имѣлъ случай видѣть таджиковъ въ рабочіе ихъ часы, въ тѣ моменты, когда они еще только достигаютъ чего-либо.

Деспотизмъ управителей Самарканда, система шпіонства, введенная во всей Средней Азіи, а слѣдовательно существовавшая и въ Заравшанскомъ округѣ, произволъ людей военныхъ, чиновныхъ и особенно полицейскихъ и беспощадная казнь всякаго, на кого сдѣланъ доносъ, — все это сильнѣе всего давало себя чувствовать горожанамъ и жителямъ ближайшихъ къ городу деревень, т. е. отражалось на таджикахъ по преимуществу. Совокупность всѣхъ этихъ давленій рѣзко повліяла на складъ характера таджиковъ, на ихъ честность, нравственность, понятіе объ обязанностяхъ, на любовь къ жизни, на ихъ семейную и общественную жизнь и т. п.

Система такого давящаго управленія, вѣками дѣйствуя въ одномъ направленіи, выработала изъ таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до болѣзненности, дрожащую передъ властями и вліятельными людьми, хвастливую, склонную къ обману на каждомъ шагѣ, и при томъ какому-то дѣтскому обману.

Если русскій по какому-либо дѣлу разговорится съ таджикомъ и спроситъ: не можетъ ли онъ, напримѣръ, рассказать ему сказку, до

которыхъ таджики охотники, то онъ повѣяется, что не только самъ не знаетъ ни одной сказки, но никогда, ни отъ кого не слыхалъ ихъ, и даже не можетъ указать на знающаго сказки. Но когда этотъ же самый таджикъ познакомился съ русскимъ покороче, убѣдился, что его спрашиваютъ безъ всякой задней мысли, а такъ себѣ, по ихъ выраженію, «для забавы», и онъ видитъ что ему даютъ чай, да еще съ сахаромъ, тогда онъ выскажется вполне, къ сказкамъ прибавитъ кучу анекдотовъ, повѣрьеѣ и даже расскажетъ то, что слушателю вовсе неинтересно. Но конецъ концовъ всегда одинъ: знакомый таджикъ зачаститъ ходить, будетъ приводить своихъ пріятелей, рекомендовать ихъ съ самой хорошей стороны, самъ станетъ угощать ихъ чаемъ, совѣтовать имъ брать побольше сахару и прятать его въ карманы, жаловаться на казіевъ, полицейскихъ и просить себѣ или своему пріятелю хлѣбное мѣстечко. Имѣя тамыромъ (пріятелемъ) русскаго или туземца, но занимающаго видное мѣсто, таджикъ хвастаетъ этимъ передъ своими знакомыми и приводитъ своихъ пріятелей къ тамыру собственно для того, чтобы убѣдить ихъ, что онъ хорошо имъ принимается. Въ чайныхъ, на базарахъ, на гуляньяхъ онъ съ чувствомъ собственного достоинства громко будетъ рассказывать окружающимъ его и не всегда даже ему знакомымъ, какъ онъ запросто въ этотъ день пришелъ къ своему высокопоставленному другу, какъ тотъ бросился къ нему на встрѣчу, началъ его обнимать и не зная, гдѣ бы усадить его, чѣмъ бы лучше угостить. Прощаясь же, онъ очень упрашивалъ почаще къ нему заходить. Окружающіе слушаютъ рассказчика съ завистью; въ ихъ глазахъ онъ становится лицомъ, котораго расположеніе слѣдуетъ заискивать и знакомство съ которымъ становится дѣломъ хорошимъ, пожалуй—и прибыльнымъ. Рассказчикъ даетъ пищу толкамъ и пересудамъ, его начинаютъ мѣтить на вакантное мѣсто и проч.

Вы идете по базару, васъ окружаетъ толпа; съ крикомъ, съ подталкиваніемъ протискивается замѣтившій васъ вашъ тамыръ, протя-

гиваетъ вамъ обѣ руки, захватываетъ ими вашу и вы чувствуете что онъ нарочно дольше удерживаетъ ее въ своихъ. Это онъ дѣлаетъ не безъ цѣли; онъ потомъ будетъ говорить: «видѣли, какъ обрадовался мнѣ тюря, какъ онъ сжалъ мнѣ руки и не выпускалъ ихъ, не хотѣлъ меня отпустить отъ себя». Сказавъ вамъ два три слова, таджикъ-пріятель объявляетъ вамъ, что у него много дѣла и что онъ, вслѣдствіе этого, дольше не можетъ оставаться съ вами. Эта фраза произносится громко и служитъ для оверужающихъ неопровержимымъ фактомъ, что онъ съ русскимъ тюрей находится на короткой, пріятельской ногѣ; иначе онъ долженъ былъ бы ждать отъ тюри позволенія уйти.

Таджикъ лъстивъ и никогда не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы наговорить кучу комплиментовъ. Онъ говорить ихъ или прямо, что называется, въ глаза слушателю, или обращаясь къ постороннимъ, присутствующимъ, выражается въ третьемъ лицѣ о томъ, про кого онъ говоритъ. Любовь таджиковъ къ комплиентамъ и особенно къ вычурнымъ сравненіямъ, гиперболамъ и проч., весьма замѣчательна. Солоно иной разъ приходится нашимъ переводчикамъ.....

Нахальство и ложь таджика, какъ и вообще средне-азіатца, переходятъ всѣ мыслимыя границы, когда онъ является свидѣтелемъ изъ за корысти, подкупленнымъ. Слѣдователь уличить его въ одномъ несправедливомъ показаніи; онъ, взявъ его, выставитъ десять такихъ же ложныхъ показаній, и если слѣдователь или вообще разбирающій дѣло будетъ на столько опытенъ, что постарается съ помощью другихъ свидѣтелей, различными сопоставленіями фактовъ, и сторонъ дѣла доказать, что и эти десять показаній тоже невѣрны, то онъ выдвинетъ цѣлую батарею новыхъ, приметъ присягу въ неподложности ихъ и проч. Ложный свидѣтель будетъ извертываться путать все дѣло до тѣхъ поръ, пока не выяснится, что онъ подкупленъ и зачастую за двадцать, за сорокъ копѣекъ. Какъ только убѣ-

дился онъ, что разбирающему дѣло извѣстно о его подкупѣ, онъ спокойно самъ сознается въ томъ и даже объявить, что онъ *бишара*, не имѣетъ на что купить себѣ лепешку, а потому хотѣлъ ложнымъ свидѣтельствомъ заработать немного денегъ.

На ложныхъ свидѣтелей большинство туземцевъ смотрятъ какъ на своего рода промышленниковъ, желающихъ трудомъ заработать хлѣбъ. На нихъ не показываютъ пальцами ихъ товарищи. Они — торговцы — и больше ничего!

Жизнь ближняго таджика (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) ставятъ туземцы ни во что. Убить человѣка, а потомъ мучиться угрызеніями совѣсти — немислимо для всѣхъ таджиковъ вообще. Точно также таджики и на убійцу не смотрятъ, какъ на человѣка, унижившаго себя этимъ поступкомъ. Зарѣзать барана, зарѣзать человѣка — для нихъ все равно. Безъ нужды никто не станетъ рѣзать барана, слѣдовательно тѣмъ болѣе человѣка, — такъ разсуждаютъ среднеазіатцы. Палачъ, на рукахъ котораго при бекахъ не высыхала кровь, пользовался отъ всѣхъ почетомъ, и всѣ считали за честь держать эти руки въ своихъ рукахъ.

Видъ постоянной рѣзни, бывшей при эмпрскомъ правленіи, видъ крови, труповъ съ перерѣзанными горлами до того пріучилъ таджиковъ къ насильственной смерти, такъ это сдѣлало необходимымъ въ ихъ глазахъ, что они потеряли всякое поползновеніе въ борьбѣ за жизнь; для таджика борьба немислима, когда разъ уже стало ему извѣстно, что его зарѣжутъ. Никто, кромѣ развѣ дикихъ американскихъ воиновъ апаховъ или японцевъ, не разстается такъ спокойно съ жизнію, какъ среднеазіатецъ. Мы видѣли, говоритъ г. Гребенкинъ, приговоренныхъ къ смерти и не замѣчали въ ихъ лицѣ ни тоски, ни страха, ничего такого, что выражало бы желаніе избавиться отъ приговора; полное равнодушіе, совершенная покорность постигшему — вотъ что отпечатлѣвается на лицѣ приговореннаго.

Но этотъ стоицизмъ, это пренебреженіе къ жизни не есть слѣдст-

віе глубокой вѣры въ обѣщанія Магомета, не есть продуктъ мусульманства, а давняго гнета, привычки видѣть убійства, насильственную смерть воокупѣ себя въ теченіи многихъ лѣтъ; это отсутствіе мысли и невозможность ея зарожденія при среднеазіятскомъ управленіи, мысли о томъ, что человѣкъ владѣетъ своею жизнію и что никто не имѣетъ праса отнимать ее у него. Пытки и истязанія, которыми такъ щедро угощали правовѣрныхъ ихъ правители, притупили у нихъ чувство, образовали сильную волю, научили скрывать въ самихъ себя мученія физической боли: къ чему ихъ обнаруживать, когда извѣстно, что окружающіе могутъ только смѣяться надъ страдающими, но не сочувствовать имъ!

Мы видѣли раненныхъ, изувѣченныхъ язвами; одинъ взгляды на раны и язвы этихъ несчастныхъ леденилъ чувства европейцевъ. Но больные относились къ своимъ ранамъ и язвамъ, какъ фельдшера на перевязочномъ пунктѣ относятся къ ранамъ жертвъ человѣческаго самодурства — войны. Они безстрастно ощупывали разможенные свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили: «не заживетъ!» Ни стона, ни признака страданія не написано было на ихъ лицахъ. Одно только можно подмѣтить на лицахъ такихъ несчастныхъ: это злость на что-то вообще, но ни на что въ частности.

То, что сдѣлало таджика легко смотрящимъ на свою жизнь, терпѣливо переносящимъ физическую боль и устранило отъ него душевные страданія, то самое образовало изъ него труса, неспособнаго сознательно хладнокровно смотрѣть въ лице смерти, когда есть выборъ: оставаться на мѣстѣ или бѣжать подальше отъ опасности. Примѣръ нашихъ войскъ въ Средней Азіи достаточно убѣждаетъ насъ, что таджикъ трусъ. Трусомъ его обзываютъ и узбеки, въ сущности такіе же трусы. Названіе *сартъ*, которое узбеки презрительно бросаютъ въ таджика, объясняется ими, какъ равнозначущее съ словомъ *баба*.

Сами таджики говорятъ про себя слѣдующее: «мы не любимъ войну, мы имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами. Война насъ разоряетъ. Узбеки—дѣло другое! Они тогда только и сыты, когда ведутъ войну; война дѣлаетъ бѣднаго богатымъ и обратно. Наконецъ, мы не знаемъ: за что намъ должно драться съ другими? «Политика, подобно войнѣ, мало занимаетъ таджика, если результаты ея не могутъ отражаться на его благосостояніи; также точно онъ мало слѣдитъ и за административными перемѣнами. Для него все равно: кто бы имъ ни управлялъ, лишь бы его матеріальныя выгоды не страдали.

Вотъ почему купцы, ремесленники и прочіе производители таджикіи всегда будутъ на сторонѣ русскихъ; они уже узнали, что подъ русскою властью они болѣе гарантированы отъ притѣсненій, разныхъ несправедливыхъ поборовъ, вообще отъ всего, что такъ или иначе можетъ вліять на матеріальную сторону ихъ быта. Духовные же изъ таджиковъ, тоже въ силу своихъ матеріальныхъ выгодъ, всегда противодѣйствовали и будутъ впредь противодѣйствовать русскимъ.

Таджики такъ привыкли къ тому, чтобы надъ ними властвовали пришлые, такъ часто переходили изъ города въ городъ, изъ одной провинціи Средней Азіи въ другую, что они считаютъ себя какимъ-то наноснымъ элементомъ, оторваннымъ отъ почвы, бывшей когда-то ихъ отечествомъ; то мѣсто, на которомъ зарыты прахъ ихъ предковъ, имѣетъ такую же цѣну въ ихъ глазахъ, какъ и то, гдѣ зарыты ихъ кровные враги. Отечество — непонятно таджику, какъ идея отвлеченная. Онъ будетъ защищать свой домъ, землю, капиталъ, можетъ быть даже жену и дѣтей отъ разграбленія непріятелемъ; но, узнавъ, что непріятель не имѣетъ желанія его грабить, какъ частнаго человѣка, что дѣло идетъ о признаніи новой власти, онъ спокойно подчиняется новому правленію и обращается къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Игра, пари сильно увлекаютъ таджиковъ. Въ каждомъ городѣ

Заравшанскаго округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. Въ домахъ играютъ преимущественно по ночамъ, а въ переулкахъ — днемъ. Игроки иногда проигрываютъ все: они играютъ съ большимъ азартомъ: деньги, одежда, домашній скотъ, даже жена, сестра, дочь, сынъ все идетъ на ставку. Въ игорныхъ домахъ и мѣстахъ воспитываются разбойники и воры. Играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и въ другія игры.

Въ этихъ же домахъ пьютъ аракъ, покупаемый у евреевъ, мѣстное вино, бузу и отравляются куреніемъ кукнара, банга и тому подобнымъ. Впрочемъ для систематическаго отравленія куреніемъ и напитками существуютъ особыя заведенія. Около игорныхъ домовъ находятся публичные дома, дома бачей... Вообще около нихъ сосредоточиваются подонки общества.

Игорные мѣста и дома служатъ притономъ не однимъ малосостоятельнымъ, но и богачамъ; однако играютъ по преимуществу молодые изъ богатыхъ. Намъ не извѣстенъ ни одинъ богатый игрокъ, который былъ бы пожилыхъ лѣтъ. Изъ бѣдныхъ же, кажется, чѣмъ старѣе, тѣмъ онъ болѣе завзятый игрокъ.

Въ игорныхъ домахъ и на игорныхъ мѣстахъ можно встрѣтить массу зѣвакъ, которые, такъ сказать, только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы самимъ наброситься на игру, поставить свою денгу на карту. Такіе присутствующіе иногда держать пари за кого нибудь изъ играющихъ и, проигравшись на пари въ пухъ и прахъ, сами начинаютъ играть.

До чета и нечета нѣкоторые изъ таджиковъ и вообще изъ средне-азіатцевъ до того пристращаются, что не могутъ пробыть минуты, чтобы не играть въ эту игру самимъ съ собою. Намъ приходилось имѣть дѣло съ такими субъектами по слѣдственнымъ дѣламъ. Сидя при допросѣ, они то и дѣло перебрасываютъ небольшіе камешки изъ одной руки въ другую и быстро сосчитываютъ что вышло: четъ

или нечетъ? Они точно помѣшанные: на вопросы отвѣчаютъ не въ попадь, потому что не слушаютъ ничего, занимаясь игрой.

При шахматныхъ пари (въ шахматы играютъ публично) каждый изъ держащихъ пари имѣетъ право предлагать свой ходъ, который вслухъ обсуживается другими. Удачный ходъ или промахъ противниковъ вызываютъ взрывы хохота, крики удовольствія, остроты, за которыми не рѣдко слѣдуютъ потасовки съ противной стороны.

Таджики дѣлятся на духовныхъ и свѣтскихъ. Духовное званіе или пріобрѣтается рожденіемъ (ходжи и сейды) или должностью (казин, муллы, имамы и проч.). Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ себя выше всѣхъ остальныхъ таджиковъ; они записные ханжи и имѣютъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе. Представители ихъ держатъ въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей, знакомятся только съ богатыми купцами или важными должностными лицами и выказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ мелкимъ торговцамъ, рабочимъ и небогатымъ земледѣльцамъ, которые за ихъ грубое обращеніе платятъ имъ наружнымъ почтеніемъ, униженіемъ себя въ глазахъ такихъ важныхъ особъ, и насмѣшками или сплетнями за глаза.

Свѣтская часть таджикскаго населенія имѣетъ своими представителями богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Вліяніе этихъ представителей на массу опирается на болѣе существенное, нежели вліяніе духовенства — на деньги. Ремесленники, мелкіе торгаша и земледѣльцы всегда находятся въ зависимости отъ капитала. Если еще прибавить, что многіе богатые изъ купцовъ дѣлаютъ въ извѣстные праздники угощеніе народу, томаши, то станетъ очевиднымъ для тѣхъ, кто хотя немного знакомъ съ средне-азіатскимъ населеніемъ, что первостепенное купечество извѣстно массѣ, пользуется ея расположеніемъ, а вслѣдствіе этого купечество имѣетъ и значительное вліяніе на весь народъ; такъ какъ въ средѣ народа всегда находится много личностей, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами купечества, то слѣдовательно всегда есть и ихъ агенты.

До занятія нами Заравшанскаго округа народъ стоялъ за купечество, а люди служилые (не всегда, впрочемъ) — за духовенство. Въ этой борьбѣ купечеству необходимо было вести дѣло свое очень и очень осторожно: они играли съ огнемъ; противники ихъ, прикрываясь религіею, основывали свои доказательства въ пользу войны съ русскими на указаніяхъ корана и могли всякаго, открыто идущаго противъ ихъ мнѣній, уличить въ измѣнѣ религіи, въ переходѣ на сторону кяфировъ. Но въ купеческой партіи сосредоточивалась вся интеллигенція Средней Азіи и всѣ капиталы, что много уравновѣшивало силы боровшихся.

Съ занятіемъ округа русскими, борьба между купечествомъ и духовенствомъ далеко не прекратилась, а напротивъ, приобрѣла большую энергію. Но теперь перевѣсъ видимо на сторонѣ купцевъ. Духовенство шипитъ, изливаетъ всю желчь на русскихъ, но можетъ этимъ заниматься, такъ сказать, келейно, въ ограниченномъ кружкѣ. Народъ имъ не довѣряетъ и въ большинствѣ случаевъ радъ радехонекъ, что съ приходомъ русскихъ можетъ на нихъ меньше тратиться.

Дѣти богатыхъ купцовъ и духовныхъ рѣдко когда перемѣняютъ профессію своихъ отцовъ. Дѣти же незначительныхъ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ при первомъ удобномъ случаѣ, при достаточности матеріальныхъ средствъ и возможности получить образованіе въ медресе, выходятъ или муллами, или муфтіями и мирзами.

Высшее духовенство и купечество, вмѣстѣ съ должностными лицами составляютъ аристократію округа. Знакомство аристократіи ведетъ только со своимъ кругомъ, разбиваясь все таки на много кружковъ. Народъ аристократію знаетъ, приходитъ къ ней въ дома по дѣламъ, на званія томаши, хвастаетъ въ своей средѣ знакомствомъ съ аристократіей, но въ своихъ домахъ ее не видитъ. Развѣ нечаянно какой нибудь важный духовный или богатый купецъ за-

Идетъ на минутку къ обыкновенному смертному; и тогда очастливленный такимъ посѣщеніемъ таджикъ долго, долго будетъ всеѣмъ рассказывать про знаменитое посѣщеніе и про любезности, которыя ему говорила «особа», хотя эта особа, ради сохраненія своей важности, почти все время глубокомысленно молчала, въ любезностяхъ же разсыпался самъ очастливленный хозяинъ. Сосѣди съ завистью узнаютъ о пріѣздѣ особы, сбѣгаются во дворъ къ счастливцу, но войти въ комнату, гдѣ особа сидитъ, было бы черезъ чуръ невѣжливо. По этому они и ограживаются только тѣмъ, что сложивъ на крестъ руки на груди, подходятъ къ дверямъ комнаты, занятой особою, и кланаясь въ поясъ произносятъ *ассаламъ-алей-кумъ*. На это особа дѣлаетъ чуть заметный кивокъ головою и отвѣчаетъ: *«алей-кумъ-ассаламъ»*. Получивъ отвѣтъ, таджикъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Посидѣвъ не много, особа уходитъ. Съ надутой важностью, медленнымъ шагомъ онъ подходитъ къ своей лошади, среди безмолвной толпы, пораженной его величіемъ. Всѣ кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обѣими руками за животъ, какъ требуетъ средне-азіатскій этикетъ. Особа осматриваетъ присутствующихъ... Вдругъ ему почему нибудь захотѣлось обратить на одного изъ среды ихъ свое вниманіе; онъ дѣлаетъ ему кивокъ головою и протягиваетъ руку. Почтенный такою явною, публично выраженной благосклонностью, точно ужаленный, вырывается изъ толпы, сгибается въ три погибели, протягиваетъ обѣ руки впередъ, схватываетъ ими руку особы, прикладываетъ ее къ губамъ и ко лбу и держитъ у лба нѣкоторое время. Потомъ оставивъ руку особы, онъ шепчетъ молитву и, не разгибаясь, пятится въ толпу. Окружающіе, вся толпа, смотрятъ на эту сцену съ умиленіемъ, а очастливленнаго, когда онъ втиснется въ толпу, непременно двое или трое потреплютъ по спинѣ.

Особа подходитъ къ лошади и хочетъ на нее садиться. Всѣ бросаются къ ней: одни поддерживаютъ его подъ руки, другіе держать

стрема и владываютъ въ него ногу. Хозяинъ же лѣвой рукой держитъ лошадь подъ уздцы, а правой—помогаетъ особѣ сѣсть на лошадь.

Гость на лошади.

Если онъ первостатейная особа, то хозяинъ и многіе изъ присутствующихъ слѣдуютъ за его лошадыю и по сторонамъ пѣшкомъ, и провожаютъ такимъ образомъ почетнаго гостя до его дома. Въ противномъ случаѣ проводы оканчиваются у угла квартала или даже въ концѣ переулка того дома, который былъ посѣщенъ особою. Этикетъ таджикскій не позволяетъ важному лицу ѣхать по городу безъ сопровожденія пѣшихъ служителей, скороходовъ. Если лицо имѣетъ палку, то ее несетъ главный скороходъ.

Когда высокій гость ѣдетъ по улицѣ, на крышахъ домовъ стоятъ и отвѣшиваютъ поклоны всѣ желающіе въ свою очередь быть когда нибудь осчастливленными. Въ щели дверей, заборовъ, воротъ смотритъ не одна пара черныхъ глазъ таджичекъ. Особа проѣхала, но кварталъ все еще находится въ волненіи, копошится. Идутъ рассказы, подробно передается, что гость говорилъ, на кого обратилъ вниманіе и проч. Каждый увѣряетъ, что онъ, именно смотря на него, больше нагнулъ голову, дѣлая поклоны всѣмъ, при чемъ даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой, увѣряютъ, что только праведные могутъ имѣть такой важный видъ, какимъ Аллахъ одарилъ особу. Женщины — сосѣдки бѣгутъ къ женѣ взысканнаго милостями особы, засыпаютъ ее вопросами, спрашиваютъ: что она подсмотрѣла особеннаго въ важномъ лицѣ и тому подобное; сообщаютъ другъ другу, какъ было бы пріятно быть женой такого лица, причемъ высказывается, что жена подобнаго почетнаго правовѣрнаго не можетъ носить ничего другаго, какъ канаусъ и матерію *фарене*. Только и слышится возгласы, да вздохи; «хайръ, хай!».

Сыновья аристократовъ составляютъ цвѣтъ молодежи округа: они законодатели модъ, даютъ реноміе лавкамъ, чайнымъ, парик-

махерамъ, бачамъ и проч. и проч. Они тратятъ отцовскія деньги и дѣлаютъ долги. Имъ вѣрять въ долгъ не меньше, чѣмъ прежде вѣрили дѣткамъ европейскихъ аристократовъ, тузовъ. Всѣ ихъ знаютъ, всѣ готовы имъ услужить, разумѣется въ надеждѣ около нихъ поживиться. Они играютъ въ разныя игры, пьютъ.

Праздникъ, для всѣхъ, и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, для знатныхъ и для черни одинаково любезенъ: всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ праздника. Къ годовымъ праздникамъ каждый таджикъ, будь онъ старикъ или мальчикъ, непременно купить себѣ какую нибудь обнову для своего туалета; въ крайнемъ случаѣ — застѣжку, но все же купить что нибудь. А чуть позволяютъ средства, онъ обновляетъ и весь туалетъ.

Опишемъ праздничный день.

Утромъ, часовъ въ 7 таджикъ начинаетъ одѣваться. Окатившись холодной водой, онъ надѣваетъ чистое бѣлье, сурмить брови подводитъ глаза. Жена или сестра помогаютъ ему одѣваться, прикрашиваться.

Халатъ, поясъ не такъ сильно занимаютъ таджика, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой по нѣскольку разъ, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы и только убѣдившись, что чалма накручена на голову совершенно къ лицу, онъ выходитъ изъ дому.

По улицамъ онъ идетъ, загнувъ голову къверху (мы говоримъ о такомъ таджикѣ, который купилъ къ празднику весь новый туалетъ), причемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло сталкивается съ проходящими.

Выйдя изъ переулка на площадь, нашъ гуляющій таджикъ на-

пускаетъ на себя еще больше спѣси, если только это возможно. Онъ заходитъ къ знакомому купцу въ лавку, садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Таджикъ пьетъ его, презрительно поглядывая на проходящихъ. Халатъ у него спущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка.

Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейку надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣеромъ: это все дѣлается для того, чтобы показать проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Если въ это время въ лавку войдутъ старыя, уважаемыя лица, онъ непременно выставитъ ногу и будетъ ею шевелить — неуваженіе полнѣйшее! Подобный поступокъ можетъ, по таджикскому этикету, позволить себѣ только старшій передъ младшимъ. Проходящіе разсматриваютъ нарядъ нашего гуляки, толкуютъ о достаткахъ владѣтеля подобнаго костюма, перебираютъ шикарющаго по восточкамъ, однимъ словомъ обращаютъ на него вниманіе, чего и добивается каждый таджикъ. Посидѣвъ достаточно долго въ одной лавкѣ, таджикъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется тоже самое.

Также точно, съ несущественными измѣненіями, поступаютъ и всѣ купившіе себѣ обнову, т. е. всѣ достаточные люди изъ таджиковъ. Уже подъ вечеръ, выпивъ не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь напѣтивъ свое самолюбіе, намозоливъ своею особою глаза всѣмъ, вызвавъ достаточно зависти, показавшій себя таджикъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ съ мелочною подробностью и съ прибавленіями противъ дѣйствительности, рассказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя можетъ быть пилъ и безъ сахару), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиняться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать

возгласы: «хаиръ! хаиръ!» и временами прибавлять: «да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей». А выслушавъ все отъ мужа, она спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей невѣроятно замѣчательныя похождения своего мужа. И долго послѣ этого событія ни мужъ, ни жена не дають никому покоя своими разсказами, а иныя другіе о томъ же предметѣ.

Нарядъ, одежда въ таджикской средѣ играетъ весьма важную роль, служить оцѣнкой дѣятельности, положенія въ обществѣ. Таджикъ по платью встрѣчаетъ, по платью же и провожаетъ. Кто всегда одѣвался хорошо, шеголялъ своимъ платьемъ и вдругъ появился на гуляньѣ въ старомъ, тотъ вызоветъ на счетъ себя со стороны его знающихъ или только видѣвшихъ его хотя бы одинъ разъ, самыя щекотливыя замѣчанія и пересуды. Сейчасъ же пойдутъ предположенія о его мотовствѣ, игрѣ въ карты, пьянствѣ и проч. Предположеніе переходитъ въ увѣренность, съ прибавленіемъ сомнѣнія о достоинствахъ его, какъ мусульманина: «пока онъ былъ добрымъ правовѣрнымъ, до тѣхъ поръ пророкъ былъ щедръ къ нему, не лишалъ его богатства, предохранялъ отъ пороковъ», говорятъ досужіе языки. Вотъ почему таджикъ будетъ отказывать себѣ въ пищѣ, въ поправкѣ своего жилища, но постарается появляться въ людномъ мѣстѣ въ праздничные дни въ обновѣ, одѣтымъ, не хуже того, какъ его привыкли обыкновенно въ такіе дни видѣть. Въ будній день, за малыми исключеніями, таджикъ ходитъ въ отрепьяхъ.

XXXVI. УЗБЕКИ.

Узбекъ и киргизъ по мѣтвѣю г. Гребенкина одно и то же, но цѣльный киргизскій типъ въ Заравшанскомъ округѣ встрѣчается только между кипчаками и ктальми. Остальные же узбеки приняли въ себя кровь разныхъ народовъ Средней Азіи и очевидно черезъ это весьма сильно измѣнили свой первоначальный типъ.

Узбеки говорятъ, что названіе ихъ произошло отъ двухъ словъ: *Узи* и *бекъ*—самъ себѣ бекъ, самъ господинъ. Но такъ какъ слово *бекъ* не *тюркско-кочевое* слово, то, принявъ ихъ объясненіе существующаго для нихъ названія за вѣрное, нужно допустить, что «узбеками» они назвали себя уже послѣ покоренія Средней Азіи. Если толкованіе происхожденія названія «узбеки» вѣрно, то во всякомъ случаѣ не для настоящаго времени. Теперь узбекъ не господинъ: онъ новый рабъ тѣхъ, которые пожелаютъ и сдѣлаютъ имъ владѣть.

Все матеріальное благосостояніе узбековъ находится въ рукахъ таджиковъ, индійцевъ и евреевъ.

Жизнь ихъ зависитъ отъ произвола бековъ-персіянъ, или хотя и узбековъ, но которые уже не признаютъ родовой связи по племенамъ и для которыхъ торговый классъ населенія ихъ бекства дороже всего. Ихъ духовенство, ихъ грамотные, амлябдары, мирзы и

проч. — это все не узбеки, или съ рѣдкими исключеніями узбеки. Постоянное войско эмира состоитъ меньше всего изъ узбековъ: узбекъ, привыкшій къ лошади, въ сарбазы не пойдетъ.

Эмиръ, говорятъ узбеки, родомъ мангитъ; все это хорошо, но въ немъ узбекскаго ничего нѣтъ и онъ ихъ терпѣть не можетъ, какъ въ высшей степени неспокойныхъ своихъ подданныхъ.

Эмиръ смотритъ на узбековъ какъ на малыхъ, глупыхъ дѣтей; онъ знаетъ, что эти дѣти могутъ шалить, и знаетъ, какъ съ ними слѣдуетъ поступать. Чтобы они не очень разшаливались, эмиръ рѣжетъ ихъ родовитыхъ представителей и ласкаетъ второстепенныхъ.

Узбеки составляютъ, какъ извѣстно, громадное большинство населенія Средней Азии, а слѣдовательно и нашего Заравшанскаго округа. Эмиры могутъ, собственно говоря, опираться только на нихъ. Эмиры и упирались всегда на узбековъ, но для опоры выбирали только извѣстные роды ихъ, болѣе спокойные, не имѣющіе родовитыхъ представителей.

По отношенію къ эмирамъ, узбековъ округа можно раздѣлить на всегдашнихъ сторонниковъ эмира и на постоянныхъ его противниковъ. Замѣчательно, что враги эмира — по преимуществу осѣдлые узбекскіе роды, занимающіе плодороднѣйшія мѣста округа. Тѣмъ не менѣе, покрайней мѣрѣ въ настоящее время, эти роды не могутъ быть причислены къ богатымъ. Возстанія узбековъ округа всегда были кровавы и не рѣдко весьма продолжительны. Музаффаръ усмирить ихъ и перерѣзалъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ возставшихъ родовъ, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ. Прежде узбеки имѣли весьма много крѣпостей; особенно ихъ много было у ктаевъ, кипчаковъ и минговъ. Беки, такихъ крѣпостей не только дѣлали нападенія на другіе роды, но даже дрались съ такими же беками своихъ родовъ. По словамъ старожилловъ, весь Міанзанъ былъ раздѣленъ на множество маленькихъ бекствъ, владѣвшихъ иногда только нѣсколькими кишлаками. Въ мирѣ они не жили между собой и не оста-

вляли въ покоѣ никого: ни купцовъ, ни горожанъ, ни путешественниковъ. Только и были слышны рассказы про грабежи, убійства, драку одного бека съ другимъ. Весь Міанканъ былъ наполненъ странствующими разбойниками.

Уничтоженіе произвольныхъ бекствъ и разрушеніе ихъ крѣпостей стоило Сеиду и Насръ-Улла-хану не малыхъ усилій: имъ приходилось строить между двумя такими курганами свой курганъ и брать бекскіе курганы приступомъ. Гарнизоны взятыхъ крѣпостей безжалостно вырѣзывались, а самыя крѣпости, всегда построенныя на высокихъ насыпныхъ барханахъ, срывались. Можно насчитать до 100 крѣпостей, разрушенныхъ двумя названными эмирами.

Объ этомъ времени старожилы возстававшихъ родовъ вспоминаютъ съ содроганіемъ и страшною ненавистью къ эмирамъ бухарскимъ. Кътай и кипчаки ненавидятъ эмировъ въ силу историческихъ событій; ненависть эта передается у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію: рассказы матерей и отцовъ возбуждаютъ въ молодомъ поколѣніи желаніе, при первой же представившейся возможности, встать противъ эмировъ. Разумѣется, теперь прошло время для встанія ктаевъ и кипчаковъ противъ бухарскихъ властителей.

На спросъ, почему узбеки считаютъ эмировъ бухарскихъ своими душманами (врагами), ктай и другіе узбеки возстававшихъ родовъ говорятъ «эмиры всегда насъ притѣсняли, дѣлали на насъ большіе налоги, нежели на другихъ узбековъ, рѣзали нашихъ старшинъ, давали намъ сборщиковъ *сартовъ* или *ирани*», и проч. въ томъ же родѣ. На самомъ же дѣлѣ притѣсненіе такихъ родовъ эмирами ограничивалось тѣмъ, что имъ не позволяли жить грабежемъ и разбоемъ, вводили среди ихъ гражданское устройство и признавали за ними столько же права, какъ и за прочими жителями Міанкана.

Родовая связь у узбековъ, на сколько можно убѣдиться, ограничивается однимъ родомъ.

Болѣе сильныя роды удержали еще старинныя преданія о своемъ

бывшемъ могуществѣ и, слѣдовательно, питають презрѣніе къ остальнымъ. Все это выражается у узбековъ въ женитьбѣ. Такіе роды брачатыся по преимуществу между собою; а если и берутъ себѣ женъ изъ другихъ болѣе низкихъ родовъ, то за то сами не даютъ своихъ дѣвушекъ имъ. Правда и то, что если узбекъ говоритъ, что ихъ родъ не выдаетъ своихъ дочерей въ другой родъ, то такой разсказъ, вообще говоря, слѣдуетъ отнести къ хвастовству: не выдаютъ одни богачи или родовитые, а бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продають дешевлѣ, выдаютъ же въ тотъ родъ, въ которомъ даютъ больше. У узбековъ не считается униженіемъ брать себѣ жену изъ низшаго рода, если у него ихъ нѣсколько; но родовитому отдать свою дочь замужъ за субъекта низшаго рода, да еще и ничѣмъ не замѣчательнаго, положительный позоръ.

Разумѣется, большой калымъ, знатность рода жениха и его богатство,—для средне азіятца, какъ и для европейцевъ, служатъ достаточными данными, чтобы выдать свою дочь за кого угодно. Узбекскія же женщины, въ выборѣ себѣ мужей, не разборчивы: имъ все равно за кого бы ихъ не выдали.

Всѣ занятія домашнія и полевые (въ нѣкоторыхъ семействахъ и паханье земли) лежатъ на женахъ. Они смотрятъ за хозяйствомъ, собирають топливо, готовятъ кизякъ, прядутъ, обшиваютъ всю семью, ткутъ (подкладочное полотно—астаръ), выдѣлываютъ овчину, дубятъ кожи и красятъ ихъ, шьютъ шубы и проч. и проч. Кромѣ того и въ полевыхъ работахъ на долю женщины выпадаетъ не мало: она пашетъ, помогая въ этомъ трудѣ мужу, брату или сыну; взрываетъ текменемъ гряды въ садахъ, жнетъ, свозитъ или сноситъ снопы на хирманы (токъ), провѣиваетъ ихъ. Однимъ словомъ, женщина у узбековъ—воль, на которомъ работаютъ безъ отдыха. Хотя немножко самостоятельный мужчина узбекъ старается ничего не дѣлать; онъ разбѣзжаетъ съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома.

Деньги всегда у мужа. Онъ выдаетъ ихъ женѣ на расходы съ большимъ расчетомъ. Даже больше: все обыденное хозяйство обязана вести жена на свои заработки, на выручку отъ пражы, продажи коконовъ и т. под.

Только празднества совершаются на мужнины деньги; изъ своихъ же заработковъ жена-мать покупаетъ дѣтямъ обновы; отецъ заботится почти исключительно о своемъ любимомъ ребенкѣ.

Самые богатые узбеки донашиваютъ свое платье до обращенія въ лохмотья, и, доносивши до такой степени, они отдаютъ его или работникамъ или приказываютъ женамъ выкроить изъ него одежду своимъ дѣтямъ.

Забота о дѣтяхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, составляетъ для узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился на столько, что уже можетъ быть рабочей силой, тогда онъ становится нужнымъ въ семействѣ и на него начинаютъ обращать вниманіе, т. е. наваливаютъ работу. Умъ, красота, находчивость признаются въ ребенкѣ, какъ и во взросломъ, за ничто.

Рожденіе сына всегда болѣе радуетъ отца. Чувства матери, кажется, лежатъ больше къ дочери. Въ дочери мать видитъ свою будущую помощницу, а отецъ смотритъ на малютку-сына какъ на будущего своего работника.

Особенной любви между родителями и дѣтьми не существуетъ. Мать и отецъ зачастую подвергаются побоимъ сыновей; ругательства самыя пошлыя, какъ со стороны сына, такъ и со стороны дочери, никто изъ узбековъ отцовъ и матерей не считаетъ предосудительными.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, не въ силу предписанія корана, котораго онъ не знаетъ, да и не старается знать, а потому, что, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно держать ихъ въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, онѣ каждый день будутъ драться и

какъ кошки царапать другъ другу лицо. Еще въ худшемъ положеніи бываетъ мужъ, если всё его жены имѣютъ дѣтей: тогда къ дракамъ благовѣрныхъ его часто присоединяются драки ихъ дѣтей, и выходитъ адъ, а не семейная жизнь. Однако семейныя несогласія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, происходятъ не отъ ревности, какъ съ перваго раза можно подумать, такъ какъ о ревности азіатки не имѣютъ никакого понятія: ревность въ европейскомъ смыслѣ для нихъ пустой звукъ, безъ всякаго внутренняго содержанія. Мужъ по узбекски значить *иркекъ* — самецъ; слово *иркекъ* одинаково примѣняется къ быку, собацѣ и т. п. Несогласія между женами одного *иркека* происходятъ не изъ обыкновенной ревности, а отъ матеріальныхъ удобствъ и неудобствъ, отъ желанія каждой жены побольше имѣть вліянія на хозяйство *иркека*, отъ того, что одна изъ самокъ получила лучшій платокъ отъ самца, а другая — худшій. «Мнѣ все равно — любить ли меня мужъ, или нелюбить, лишь бы онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки. Если онъ мой *иркекъ* — онъ любитъ меня» — такъ, или почти такъ, говорятъ узбечки.

Узбеки не женятся на очень молодыхъ женщинахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о большинствѣ, а не о богачахъ, которые имѣя по нѣскольку женъ, (наприм. 11 женъ), женятся, ради разнообразія, на 10-ти лѣтнихъ. Небогатый узбекъ ищетъ въ женѣ хорошую работницу, неутомимаго вола. Молодая жена не вынесетъ тяжелой работы, на которую ее обрекаетъ замужество, не дастъ мужу возможности ничего не дѣлать по хозяйству; поэтому въ бракъ дѣвушки (онѣ только официально величаются дѣвушками) вступаютъ, въ большинствѣ случаевъ, лѣтъ 15—20.

Въ нѣкоторыхъ узбекскихъ родахъ въ обычаѣ отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ они весьма долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котелъ; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, семейство, состоящее изъ 10 женатыхъ сыновей, имѣющихъ въ свою очередь дѣтей, считается за одинъ дворъ.

Калымъ, выкупъ, приданое, вносимое женихомъ за будущія услуги жены, не всегда составляютъ необходимое условіе при заключеніи узбеками брака; зачастую женятся безъ всякаго калыма.

Хорошіе пріатели или бѣдняки, при женитьбѣ, калыма не вносятъ; этотъ обычай, встрѣчается впрочемъ не во всѣхъ узбекскихъ родахъ. Друзья иногда дѣлаютъ такого рода условія (что въ обычаѣ и у киргизъ): родившихся у нихъ дѣтей разнаго пола съ самаго рожденія считать женихомъ и невѣстой. Такія дѣти растутъ вмѣстѣ, а придя въ возрастъ, вступаютъ въ бракъ, не уплачивая калыма. Однако женихъ, въ подобныхъ, заранѣе приготовленныхъ бракахъ, имѣетъ полное право отказаться отъ женитьбы на дѣвущкѣ, предназначенной ему въ жены еще до его рожденія.

Бѣдняки или зарабатываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери, остаются у отца въ работникахъ, т. е. зарабатываютъ калымъ уже послѣ женитьбы. Бываетъ, что мужчина только сожительствуетъ съ женщиной, но формальнаго брака не заключаетъ, т. е. читается «фатиха», но «никахъ» (свадьба) не совершается. Въ такомъ случаѣ, для виду разумѣется, стараются скрывать сожителство отъ отца женщины.

Мать о подобномъ, по ихъ понятію, противузаконномъ сожителствѣ всегда знаетъ и она же его устраиваетъ. Случаи подобнаго *полубрака*—далеко не рѣдкость между бѣдняками.

Всякій узбекъ, желающій жениться, посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей быть иркекомъ ихъ дочери, онъ, по обычаю, не можетъ уже показывать своего лица ни отцу невѣсты, ни ея матери. Онъ долженъ избѣгать съ ними встрѣчъ; если же нечаянно встрѣтятся, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т. е. сыграть роль женщины, встрѣтившейся съ мужчиной. Что послужило причиной возникновенія такого обычая, неизвѣстно; не знаютъ этого и сами туземцы.

По этому поводу туземцы говорят слѣдующее: кто хочет жениться, тому должно быть стыдно предъ отцомъ и матерью своей невѣсты; онъ не смѣетъ смотрѣть имъ въ глаза; онъ долженъ, чтобы не оскорблять будущаго своего тестя и тещу, скрывать отъ нихъ свое лицо. Мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь объясненія за-равшанцевъ, почему женщина должна скрывать свое лицо отъ мужчины. Въ коранѣ на этотъ счетъ есть положительное указаніе; оно сформулировано такъ: «женщина не можетъ показывать свое лицо руки и ноги (голыя) тому, за кого она можетъ выйти замужъ»; Узбеки, будучи не знакомы съ теоріей своей религіи, принявъ только внѣшнюю, обрядовую ея сторону, по преданію, при объясненіи причины закрыванія лица женщиной при встрѣчѣ съ мужчиной, не обращаются къ корану, а основываютъ правильность этого обычая на такихъ соображеніяхъ: женщина, говорятъ, они, ниже мужчины, присутствіе ее среди мужчинъ оскорбительно для послѣднихъ. Слѣдовательно, женщина должна, при встрѣчѣ съ мужчинами, закрываться или прятаться за заборъ, въ яму; но если ни забора, ни ямы по близости нѣтъ, то присѣсть на корточкахъ, оборотясь къ мужинамъ спиною. Предполагается, что проѣзжающій иррекеъ очень важная особа (бекъ, начальникъ отдѣла и т. п.).

Итакъ, обычай закрыванія женщины существуетъ, есть и объясненіе ему; но всегда-ли этотъ обычай соблюдается?

Въ городахъ, гдѣ много духовенства, гдѣ большинство жителей — таджики, обычай этотъ, впрочемъ съ грѣхомъ по-поламъ, соблюдается лишь на людныхъ улицахъ, базарахъ, площадяхъ. Въ еши-лакахъ же, между сплошнымъ узбекскимъ населеніемъ, женщина свободно ходитъ открытой и закрывается только передъ русскими или духовенствомъ.

Намъ кажется, что обычай скрывать свое лицо отъ отца и матери невѣсты можно объяснить тѣмъ, что узбекъ очень развратенъ въ душѣ. Желая скрыть свой нравственный развратъ предъ отцомъ

и матерью будущей жены, узбекъ хочетъ показать себя пуританиномъ и на столько непорочнымъ, что даже законное и вполне естественное сожителство съ женщиной считаетъ какъ-бы предосудительнымъ. Узбеки сами говорятъ: какъ же я буду смотрѣть въ лицо отцу моей невѣсты, когда я уже заявилъ, что хочу съ ней жить?

Женихомъ узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, узбекъ считается женихомъ до тѣхъ поръ, пока онъ или не выплатитъ калыма за свою жену, или же пока отецъ, мать и родственники невѣсты не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, хотя въ дѣйствительности женихъ еще и не внесъ его сполна. Когда узбекъ получилъ согласіе отца или родныхъ невѣсты на бракъ съ нимъ, старшіе члены желающихъ породниться домовъ, безъ вѣдома жениха и невѣсты, составляютъ масляхъ, т. е. совѣтъ о величинѣ калыма, о времени прочтенія молитвы фатиха, или, какъ узбеки выражаются, о времени *ломанія лепешки* и совершенія свадьбы. Состояніе жениха взвѣшивается обѣими сторонами и, смотря по тому — большое оно или нѣтъ, назначается болѣе или менѣе продолжительный срокъ для совершенія *никаха*, т. е. свадьбы. Величина же калыма по преимуществу и почти единственно зависитъ отъ состоянія родителей невѣсты, но не отъ родовитости ихъ. Калымъ потерялъ свое первоначальное значеніе въ заравшанскомъ округѣ: онъ сталъ просто подаркомъ, дѣлаемымъ стороною жениха сторонѣ невѣсты, или тратой на угощенія, дѣлаемыя родственниками невѣсты родственникамъ жениха, знакомымъ его и своимъ знакомымъ. Поэтому случается, что родители невѣсты не получаютъ отъ жениха ни копѣйки денегъ, ни одного барана.

Мы немного остановимся на вопросѣ о калымѣ.

Съ момента засватанія, женихъ и его родители дѣлаютъ подарки невѣстѣ и ея роднымъ.

Подарки состоятъ изъ платковъ (коп. въ 20 и выше), гребешковъ

мѣдныхъ серегъ, колецъ, лентъ, матъ на рубашки и разныхъ другихъ туземныхъ матерій, а также и фаренги (русскихъ и англійскихъ), лакомства также играютъ роль: дарятъ сѣру для жеванія, изюмъ, урюкъ, медъ, куски сахару и т. п. Иногда дарятъ мясо, баранину, сало, рисъ, горохъ и другой зерновой хлѣбъ. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, во первыхъ для того, чтобы, если свадьба не состоится, одна сторона могла потребовать подарки назадъ, а другая не переплатить лишняго; во вторыхъ, чтобы, при заключеніи брачнаго листа, весь этотъ расходъ включить въ счетъ калыма. Мы говоримъ это про большинство. Богатые же, кромѣ подарковъ, выплачиваютъ еще извѣстное количество денегъ родителямъ неvěсты или даютъ стадо барановъ, лошадей, быковъ, ишаковъ и верблюдовъ.

Когда родители неvěсты получили уже отъ жениха или его родныхъ нужное по уговору количество калымнаго взноса, назначается день *никахъ-тоя* — день свадьбы.

По извѣстному магометанскому правилу, женихъ не можетъ видѣть неvěсту; но въ заравшанскомъ округѣ этого не придерживаются, и женихъ не только хорошо знаетъ свою неvěсту, но зачастую и живетъ съ ней какъ съ женою.

Свадьба совершается у отца неvěсты на деньги жениха. Обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что съ общаго согласія родителей и родственниковъ брачующихся, заключается у казія (обмѣновенно у повѣреннаго казія) контрактъ, гдѣ прописывается, что *такой-то* внесъ за *такую-то* столько-то. Однако, до прочтенія (послѣ усиленной ѣды), молитвы *никахъ* надъ чашкой съ водой, женихъ еще не называется мужемъ, а неvěста — женой. При чтеніи этой молитвы присутствуетъ только женихъ; вмѣсто же неvěсты — ея повѣренный (уакиль); кромѣ того мулла, читающій молигву, старики-родные, родители и аксакалы (бѣлобородые). Иногда при этой церемоніи бываютъ и *кемтырь* (старухи).

Еще задолго до свадьбы, женихъ и невѣста выбираютъ себѣ друзей. Первый — изъ молодыхъ парней одного съ нимъ рода, а вторая — изъ дѣвушекъ, ближайшихъ ея родственницъ.

Никахъ прочитывается обыкновенно послѣ заката солнца; по прочтеніи молитвы опять начинается ѣда; мужчины ѣдятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ женщинъ. Въ промежутокъ между ѣдою пляшутъ бачи (если узбекъ отаджившійся), поютъ пѣсни, играютъ на дутарѣ или сопѣлкахъ. Тѣмъ же самымъ занимаются и женщины, съ тою только разницею, что у нихъ пляшутъ не бачи, а молоденькія дѣвушки, ударяя въ бубны.

Угощеніе или *томаша*, тянется далеко за полночь. Потомъ женихъ посылаетъ сказать женщинамъ, окружающимъ его невѣсту, что онъ идетъ къ женѣ. Всѣ женщины *) зажигаютъ свѣчи и выходятъ къ молодому на встрѣчу; молодая же остается въ саклѣ, гдѣ сидитъ за занавѣсью, разгораживающею комнату на двѣ неравныя части: въ большей обыкновенно сидятъ почетныя женщины, въ меньшей — молодая. Молодой идетъ на женскую половину въ сопровожденіи друзей и молодежи. Въ тотъ моментъ, когда вся эта ватага хочетъ войти въ отдѣленіе женскаго помѣщенія, женщины съ крикомъ бросаются на нее, стараясь отбить молодого. Происходитъ порядочная свалка, во время которой женщины визжатъ, машутъ зажженными свѣчами, поджигаютъ халаты и бороды мужчинамъ; а мужчины, пользуясь суматохой, позволяютъ себѣ разныя вольности, что еще усиливаетъ визгъ прекраснаго пола. Наконецъ женщины овладѣли женихомъ. Одна изъ нихъ беретъ его голову къ себѣ подъмышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодого, возвращаются на свою половину и принимаются за ѣду. Молодой, введенный въ саклю, обязанъ угощать всѣхъ женщинъ

*) Этотъ обычай не вездѣ соблюдается.

кушаньями, лепешками, сладостями, а онъ занимать его разговорами. Разговоры бываютъ обыкновенно очень сальные и состоятъ изъ разныхъ двусмысленностей насчетъ новобрачныхъ. Замѣчу кстати, что сальности, которыя говорятся между самыми лучшими туземками округа, едва ли когда могутъ быть произнесены самыми отпѣтыми мужчинами-европейцами.

Молодая все это время сидитъ за занавѣсю на постели, состоящей у богатыхъ изъ 10—30 ватныхъ одѣялъ, положенныхъ одно на другое. Насладившись бесѣдами подругъ своей жены и угостивши ихъ, молодой отправляется къ женѣ, куда имъ ставать неизбѣжный пловъ и разныя сласти. Подруги же ея продолжаютъ угощаться. Часовъ около трехъ ночи молодой объявляетъ, что подругамъ его жены пора уходить. Въ отдѣленіи мужскомъ къ этому времени остаются одни не женатые; они пируютъ до восхода солнца. Сакля, въ которой находится брачная постель, убирается всѣмъ приданымъ невѣсты: ниши завалены одѣялами (говоримъ о богатыхъ свадьбахъ), подушками, коврами; жерди и протянутыя веревки увѣшаны халатами, платками, рубахами, штанами (женскими) и прочими принадлежностями женскаго туалета и спальни. На полу разставлены калоши, и ичеги. При восходѣ солнца, молодой оставляетъ комнату своей жены и идетъ къ пирующимъ холостякамъ, съ которыми и доходитъ до своего дома.

Свадьба совершена, *обязательная* по обычаю первая ночь проведена молодыми въ домѣ отца жены. Послѣ этой ночи, мужъ имѣетъ уже право, если найдетъ свою жену не дѣвицей, немедленно развестись съ ней; приче́мъ ему возвращается весь кадымъ, все, что онъ затратилъ.

Въ этомъ случаѣ голословное обвиненіе мужемъ жены ничего не значить; оно должно быть подтверждено матерями жены и мужа и третьей посредницей, которыя, по обычаю, приходятъ вмѣстѣ въ брачную комнату по уходѣ мужа. Кромѣ того, при осмотрѣ прини-

мается во вниманіе: жилъ-ли мужъ съ женою будучи еще ея женихомъ; о сожительствѣ этомъ *всегда* знаютъ сосѣди. Къ чести узбековъ должно отнести, что подобное обстоятельство, какъ отсутствіе доказательства невинности жены, не служитъ у нихъ поводомъ не только къ разводамъ, но даже къ какимъ бы то ни было несогласіямъ. Они говорятъ: «жениться на вдовѣ и жениться на дѣвушкѣ, находившейся въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчиной, — все равно. Женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежшій образъ жизни. Пока она не жена она свободна» и т. п.

Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ черезъ 2—3 дня, но можетъ оставить ее въ домѣ родителей. Въ первомъ случаѣ, при введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ дружки молодого; при этомъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ какъ холостякъ. Съ того мгновенія, какъ въ его домъ поселилась жена, холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, мужъ ходитъ къ женѣ украдкой, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ савлю жены старуха, близкая родственница жены. Жена хотя имѣетъ отдѣльную савлю, но въ занятіяхъ своихъ подчинена отцу и матери.

Случается, что замужня узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу уже имѣя трехъ-четырехъ дѣтей.

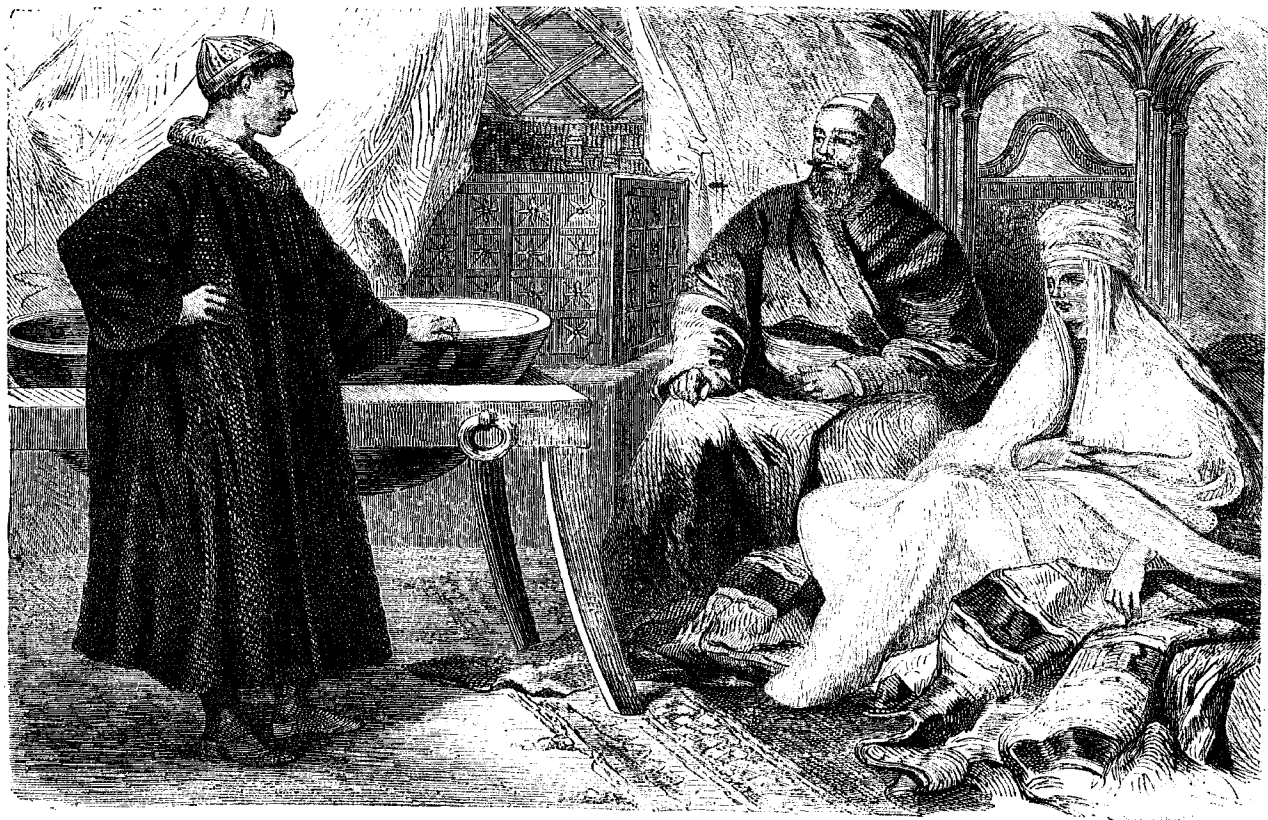
Во все время раздѣльнаго сожительства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

КИРГИЗЫ

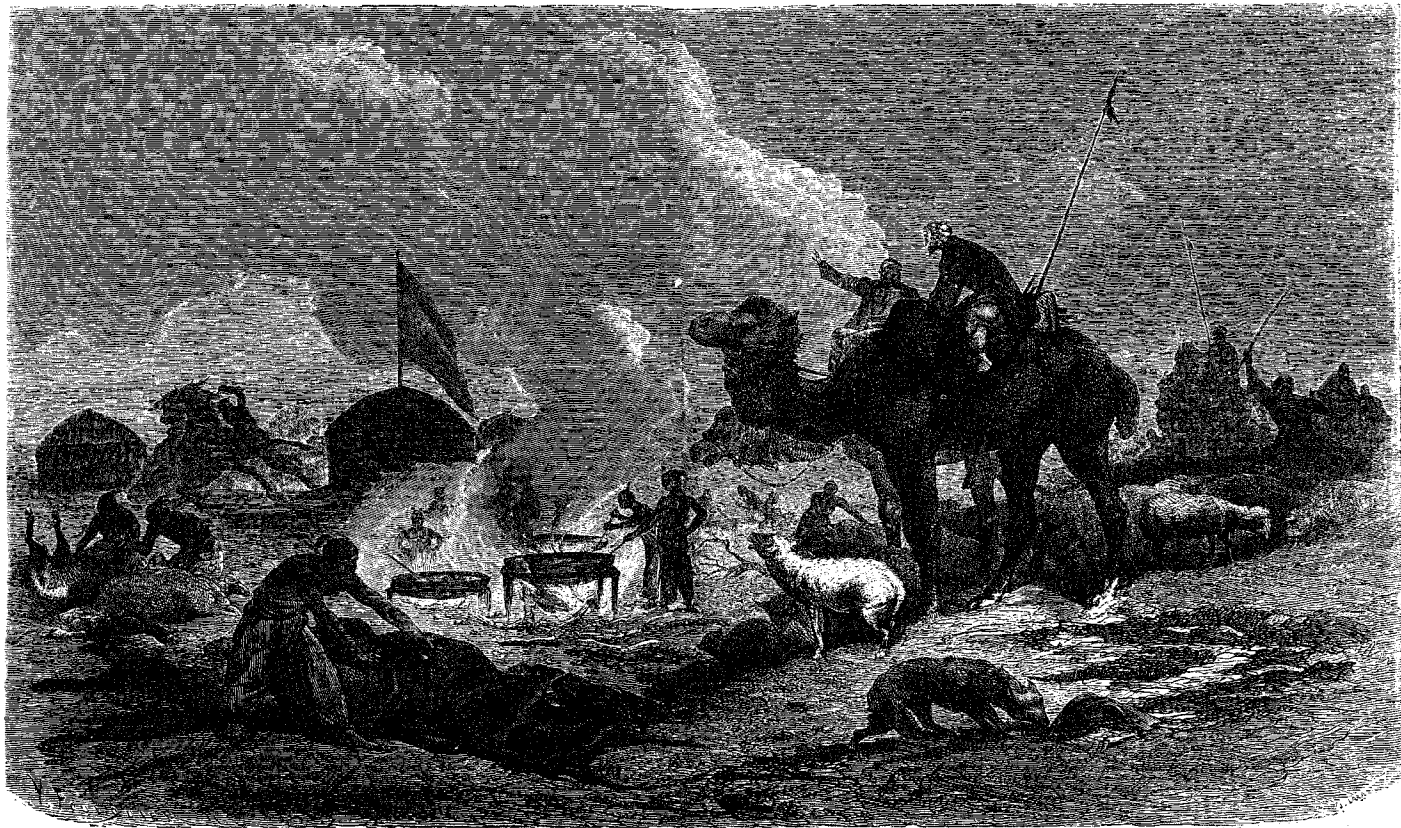
ВНУТРЕННОСТЬ СУЛТАНСКОЙ ЮРТЫ.

КИРГИЗСКИЙ СУЛТАНЪ ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЮРТѢ.

КИРГИЗСКИЙ СУЛТАНЪ, ЕГО ЖЕНЫ И ПЬВЦЪ.

КИПЧАКСКИЕ ПОХОРОНЫ.